

К ВОПРОСУ О КОНСТРУКТИВНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЖИЛИЩ ДРЕВНИХ ЭСКИМОСОВ ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИИ, ЭТНОГРАФИИ И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫМ ИСТОЧНИКАМ

К.А. Днепровский*, Е.Г. Дэвлет**

* *Государственный музей искусства народов Востока, Москва,*
dneprk@gmail.com

** *Институт археологии Российской академии наук, Москва,*
eketek@yandex.ru

Аннотация. Жилища древних эскимосов с каркасом из костей кита и плавникового дерева во множестве встречаются на побережье Чукотки от Анадырского залива до устья Калымы и с давних времен привлекали внимание путешественников и исследователей. Чукотской археологической экспедицией Государственного музея Востока с 1995 по 2015 г. на поселениях Эквен и Пайпельгак (северо-восток Чукотки). На поселении Эквен полностью изучена конструкция жилища Н-18 с каркасом из костей кита и плавникового дерева, дерновыми стенами и легкой кровлей, а также рабочие площадки за пределами внешних стен. Жилище Н-18 относится к периоду бирнирк – ранний пунук (хронология археологических культур с поправкой на «резервуарный эффект Берингова моря: древнеберингоморская – III/IV– VIII/IX вв.; бирнирк – IX–XI вв.; пунук – XI–XIII вв.).

Поселение Пайпельгак – первый жилой, хорошо стратифицированный памятник на Чукотке. Занимающее верхний, самый молодой стратиграфический уровень на поселении жилище бирнирнского времени состояло из двух соединенных переходом перекрытых объемов. Коридорный выход был устроен в более крупном помещении.

Это жилище перекрывало три жилых структуры (помещения 4–6), относящиеся к древнеберингоморской культуре (период ДБК-II, в пределах первой половины I тыс.) – это были жилища для сезонной охоты, сходные по конструкции: небольшие, площадью около 6 кв. м, с каменными цоколями стен, вертикальными опорами каркаса стен и каменными вымостками полов. Одно из жилищ (№ 6) – двухкамерное.

Древнеэскимосские жилища послужили типологической основой для конструкций традиционных яранг поселения Наукан, функционировавшего до середины XX в. Легкие кровли яранг Наукана из деревянных жердей и шкур моржа позволили уверенно воссоздать подобную конструкцию перекрытий жилищ древнеберингоморского, бирнирнского и раннепунукского времени. Форма кровли является самой характерной чертой древнеэскимосского жилища.

Днепровский Кирилл Александрович – кандидат исторических наук, главный научный сотрудник Государственного музея Востока.

Дэвлет Екатерина Георгиевна – доктор исторических наук, ученый секретарь Института археологии РАН.

Работа подготовлена в рамках проекта РФФИ № 17-01-00395.

В статье представлены два выявленных экспедицией ИА РАН при работе на петроглифах Пегтымеля изображения стационарных наземных жилищ, у которых можно реконструировать легкую шатровую кровлю из деревянных жердей и шкур животных на основании сопоставления с археологическими данными – в первую очередь жилищами нижнего слоя Пайпельгака.

При общей лаконичности изображений жилищ на предметах обихода этнографического времени и в петроглифах Пегтымеля они необыкновенно точны – часто в изображениях жилищ морских зверобоев передана именно форма кровли.

Все полностью исследованные жилища древних эскимосов на Чукотке были сооружены на поверхности. Возведенные на склонах и чаще всего под склонами, такие постройки интенсивно разрушались и заносились смытым сверху почвенным материалом. Уже В.Г. Богораз воспринимал жилища-ныню как подземные или полуподземные сооружения.

Над небольшими элементами построек – коридорными выходами – могли сооружаться жесткие дерновые кровли на горизонтальных лагах из костей и дерева. Перекрытие крупных объемов такой кровлей потребовало бы большого количества вертикальных опор не только вдоль стен, но и внутри помещения. Строительство заглубленных в землю жилищ в условиях вечной мерзлоты было не целесообразно и обычно не производилось.

Ключевые слова: Чукотка, древние эскимосы, древние и традиционные поселения, конструкция жилищ, изобразительные источники, петроглифы

Наземные жилища древних эскимосов с каркасом из костей кита и плавникового дерева во множестве встречаются на побережье Чукотки от мыса Беринга до устья р. Калымы и с давних времен привлекали внимание путешественников и исследователей. В монографии С.И. Руденко¹ содержится обзор сведений о подобных жилищах, начиная с записок якутского воеводы Степана Дежнева (1655 г.). Информация о полуземлянках содержится в записках С. Крашенинникова, Биллингса, Ф. Врангеля. Важные описания жилищ эскимосов Аляски оставили Хвостов и Давыдов² – русские путешественники, побывавшие на Аляске в начале XIX в. В.Г. Богораз описал сходное по конструкции жилище в чукотском поселке Нунлигран³: землянка имела два входа, причем одним из них, через крышу в центре, пользовались летом, а зимой проникали в дом через узкий коридорный вход. Раскопок жилищ на побережье Чукотки С.И. Руденко⁴ не проводил, но, основываясь на данных разведок, автор пришел к выводу о том, что предки эскимосов пришли на Берингоморское побережье с каким-то иным типом наземного жилища и только постепенно перешли к постройке полуподземных жилищ, приспособившись к новым для них условиям оседлой жизни в Арктике.

Жилищ древних зверобоев на побережье Чукотки, подвергавшихся хотя бы частичному археологическому исследованию не много. В 1946 г. Колымская экспедиция под руководством А.П. Окладникова изучала жилища 1 и 5 в бухте Сарычева и жилище в бухте Второй, находящихся на мысе Барановом в 70 км к востоку от устья р. Калымы⁵. Это самый восточный памятник бирнирской культуры на

¹ Руденко 1947, 68–70.

² Давыдов 1810.

³ Богораз 1934.

⁴ Руденко 1947, 70.

⁵ Окладников, Береговая 1971, 9–19.

побережье Ледовитого океана⁶. Вечная мерзлота помешала исследовать жилища полностью – вскрыта только верхняя часть наслоений мощностью до 0,5-0,6 м. В жилище 1, имевшем видимый на поверхности коридорный выход, обращенный в сторону моря, обнаружена часть «полукольцевидной» земляной стены с остатками дерна⁷. Описание, приведенное в монографии, другой информации не содержит. Судя по графической реконструкции жилища, оно представляло собой круглое помещение со столбами вдоль восточной части стены. Вдоль стен располагались нары из бревен. Коридорный вход – с северной стороны. Справа и слева от входа на плане жилища обозначены округлые помещения. Восточное имело три столба вдоль стен и очаг с горелыми костями, в западном, интерпретированном как кладовая, обнаружена часть «настила»⁸. Жилище 5, имевшее диаметр 10–15 м, исследовалось траншеей, заложенной в направлении запад-восток. Плана жилища нет, планировка помещений не реконструировалась. Жилище в бухте Второй холм исследованного жилища имел диаметр 12–13 м. Реконструировано шестиугольное помещение со столбами, стоящими иногда попарно. В восточной части жилища «намечался выход в виде сеней». Уровень пола расчищен не был. Вдоль стен, судя по плану, располагались поставленные вертикально вплотную друг к другу столбы. Общая конструкция жилища не выяснена.

Из трех частично исследованных на мысе Барановом жилых комплексов бирнирской культуры, давшим, впрочем, обильный вещевой материал, интерес в плане поиска аналогий планировки и конструктивных принципов представляет жилище 1 в бухте Сарычева. Выход из жилища ориентирован в сторону моря, как и коридор Эквенского жилища. По сторонам света выходы ориентированы по-разному. Видимо ориентация выхода по сторонам света в жилой архитектуре была не важна, необходимо было лишь его направление – в сторону моря. В жилище 1 бухты Сарычева кухня с очагом располагалась справа от входа, а кладовая – слева. Такие же планировка и назначение открытых площадок в Н-18. По-видимому, принцип расположения кладовой и кухни по сторонам входа является характерной чертой бирнирских жилищ. Помещения по сторонам от входа с таким же назначением зафиксированы и в жилище 1 на поселении Канискак⁹. Деревянные нары или спальные платформы в жилище бухты Сарычева расположены вдоль стен в основном помещении. Эквенское жилище имеет специальную спальную комнату. Наличие дополнительного помещения является основным конструктивным отличием. В жилищах Баранова мыса использовалось в основном дерево. В условиях безлесной тундры памятника Эквен основным материалом были китовые кости.

На острове Четырехстолбовом, самом восточном в группе Медвежьих островов, расположенных к северу от устья р. Калымы, произведены частичные раскопки двух жилищ¹⁰. Одно жилище было раскопано на северном берегу острова сотрудником гидрографического управления А.М. Сырчиным в 1948–1949 гг.¹¹, второе, расположенное на юго-западном берегу острова, раскопано в 1953 г.

⁶ Хронология археологических культур региона с поправкой на «резервуарный эффект Берингова моря: древнеберингоморская – III/IV– VIII/IX вв.; бирнирк – IX–XI вв.; пунук – XI–XIII вв.

⁷ Окладников, Береговая 1971, 10, рис. 6.

⁸ Окладников, Береговая 1971, 10, рис. 8.

⁹ Гусев 1995б; Загорюлько 1999.

¹⁰ Береговая 1954.

¹¹ Раушенбах 1969, 5–48.

Н.В. Андреевым¹², сотрудником зимовки (полярной станции) на острове. В раскопе Сырчина (1 x 2,5 м) зафиксирована стена жилища, состоящая из двух рядов бревен, поставленных вертикально. Между рядами бревен обнаружена засыпка из земли и крупных галек. В центральной части жилища отмечены бревна, стоящие вертикально. Поскольку в заполнении помещения была обнаружена жировая лампа, автор делает вывод, что очага в жилище не было. Раскопанное Андреевым жилище состояло из двух четырехугольных помещений размерами 4,1×4,3 и 2,1×3 м. Оба помещения были углублены в землю, стены сделаны из бревен. Западные стенки обоих помещений наклонены. Большое помещение было жилым – утрамбованный пол был покрыт ветками полярной ивы и стружками, в двух местах прослежены остатки кострищ. У северной стенки помещения обнаружены нары из бревен, несколько возвышающиеся над уровнем пола. Меньшее по площади помещение, видимо, было хозяйственной пристройкой, «так как в ней не был утрамбован пол и встреченные здесь вещи все были сломаны»¹³. В описании нет сведений о взаиморасположении помещений и входе в жилище. Инвентарь, обнаруженный в жилищах на Четырехстолбовом острове, за исключением наконечников гарпунов типа *туле* и наконечников стрел, относящихся, скорее всего, к позднему пунуку, значительной степени идентичен находкам из эквенского жилища Н-18. Конструкция стены жилища из двух рядов вертикальных столбов и засыпкой между ними не имеет аналогий ни на Чукотке, ни в Американской Арктике. Наличие в жилище двух разновеликих четырехугольных помещений с разными функциями можно считать признаком, сближающим конструктивные принципы постройки на о. Четырехстолбовом и Н-18. Однако, описание двухкамерного жилища столь скудно и непрофессионально, что сравнивать практически не с чем.

Итак, можно констатировать, что кроме описания подъемного материала из жилых памятников и результатов неоконченных или непрофессиональных раскопок, до последнего десятилетия на прибрежной Чукотке жилые памятники практически не исследовались. Фрагментированные сведения не давали представления о жилой архитектуре древних морских зверобоев.

В 1990–1992 гг. С.В. Гусев проводил исследования древнеэскимосского поселения Дежнево (Канискак), которое располагалось на берегу Берингова пролива, к югу от мыса Дежнева и в 7 км к востоку от памятника Эквен, на месте ликвидированного в 1951 г. поселка¹⁴.

В конце XIX в. на этом месте размещалась фактория американского предпринимателя. Культурный слой древнего поселения находится на высоком скалистом обрыве в излучине удобной бухты, закрытой от северных ветров. Как сообщает автор раскопок, площадь сохранившегося культурного слоя составляет 240 кв. м. В раскопе площадью 138 кв. м выявлено по меньшей мере 5 разновременных домов древних эскимосов. Четыре жилища исследованы полностью. Все они оказались овальные в плане с коридорным входом и стенками из дерева или костей кита. Одно из них состояло из нескольких помещений, остальные однокамерные. Основу архитектуры всех жилищ составляет каркасно-столбовая конструкция из

¹² Раушенбах 1969, 8.

¹³ Гусев 1995а.

¹⁴ Гусев, Жилин 2000, 196.

костей и плавникового дерева. Полы в жилищах вымощены сланцевыми плитами и костями кита и моржа, поверх которых прослежены шкуры моржа. По стратиграфии, как указывает автор раскопок, в жилищах выделяются следующие периоды: ипиутакский, оквикский, древнеберингоморский, бирниркский, пунукский, ранний и поздний туле. В жилищах обнаружено более 2500 предметов, опубликовано не более двух десятков из них. Планы жилищ, обнаруженных на поселении Канискак, также не опубликованы, однако планировка двухкамерного жилища 1 довольно подробно описана¹⁵. Слева от центральной части коридора, имевшего длину более 3 м и ширину 0,6–0,8 м и высоту 0,8 м, располагалось помещение, размерами 3 x 3,2 м, где приготавливалась пища и обрабатывались шкуры. Справа от коридора располагалось помещение для хранения мяса – мясная яма. Коридор заканчивался спальным помещением, размером 3 x 3,5 м. По углам спального помещения стояли четыре столба, три из китовых челюстей и один деревянный. Пол вымощен сланцевыми плитами и костями. В кратких публикациях последних лет приводится дата жилища 1 на поселении Канискак (Дежнево) – 1700 л.н., которая, однако, после поправки на «резервуарный эффект Берингова моря» затем омолаживается в среднем на 500 лет для всех культур Берингоморья: древнеберингоморско-оквикская культура датируется III/IV–VIII/IX вв.; бирнирк – IX–XI вв.; пунук XI–XIII вв.; ранний туле – XII–XV и поздний туле – XV–XIX вв.¹⁶

Материалы поселения Канискак, расположенного всего в 6 км от Эквена, привлечены нами в качестве аналогии жилому комплексу Н-18. Принципиально конструкции Эквенского жилища Н-18 и Канискакского жилища 1 обладают многими общими чертами. Оба жилища имеют каркасы из костей кита и дерева, крыши из дерна, полы сходно вымощены крупными сланцевыми плитами. Спальные помещения одинаковы по принципиальной конструкции и размерам. Однако небольшие помещения жилища 1 не имеют центрального опорного столба, а в центральной камере (помещение 1) эквенского жилища Н-18 стояла в центре мощная опора из части нижней челюсти гренландского кита длиной более 1,8 м. Совпадает пространственное расположение вспомогательных помещений в жилищах: кухня расположена справа от входа, а помещение, где хранилась пища, – слева. Характеризуя эти два ценнейших источника для изучения древнеэскимосских культур региона Берингова пролива, следует высказать следующие соображения. В жилищах на поселении Канискак представлены в перемешанном виде (и в основном даже вне пределов жилищ) многочисленные артефакты, которые относятся, по крайней мере, к трем археологическим периодам, существовавшим на протяжении 1600 лет. Жилище за это время, очевидно, несколько раз перестраивалось, ремонтировалось и т.д. Кроме того, оно могло быть нарушено позднейшими перекопами, относящимися ко времени существования п. Дежнево – верхние слои содержали материал XIX–XX вв., таким образом, не совсем понятно, конструкция постройки какого времени, какой культурной традиции исследована в жилище 1. Жилые комплексы на поселении Канискак имеют большое значение как первые, исследованные на Чукотке на высоком методическом уровне. Несомненную ценность имеет и обильный бытовой материал, обнаруженный в жилищах.

¹⁵ Gerlach, Mason 1992; Stuiver, Braziunas 1993.

¹⁶ Гусев 2001.

Поиски аналогий архитектурному сооружению эквенского жилища Н-18 приводят на Аляску, ближайший пункт которой – мыс Барроу – расположен всего в 70 или 80 км от мыса Дежнева. На островах Ротманова и Малом Диамиде в Беринговом проливе между Чукоткой и Аляской археологические исследования не проводились. Бирнирский период на северо-западной Аляске соотносится с прибрежными памятниками на мысах Барроу, Валакпа¹⁷, Хооп¹⁸, принца Уэльского¹⁹, Крузенштерн²⁰, однако планы жилищ приведены лишь для нескольких из этих памятников.

Следы старого поселения, ныне известного в литературе как Бирнирк, были впервые упомянуты Л. Рейем и Дж. Мердоком в отчете об исследованиях, проводимых на м. Барроу армией США в 1881–1883 гг.²¹. Жилища культуры бирнирк, исследованные в 1918–1919 гг. близ селения Бирнирк, расположенного к юго-западу от мыса Барроу, четырехугольные, со стенами из вертикально поставленных бревен высотой до 1,2 м. Кровли жилищ были сооружены из бревен и имели квадратные световые отверстия. Очаги в жилищах не зафиксированы. Стены и крыша сложены из брикетов дерна²². Дж. Форд проводил работы на памятнике Бирнирк в 1931, 1932 и 1936 гг., в общей сложности чуть более двух месяцев²³. Жилища исследованы лишь частично. Жилище «С» включало одно помещение подквадратной в плане формы, размерами 3,3 x 3,3 м, парные и одиночные вертикальные столбы из бревен стояли по углам. Крыша состояла из бревен. Около стены, противоположной входу, на уровне пола располагалось спальное место, маркированное шкурой белого медведя. Коридорный вход с южной стороны был около 1 м в ширину и более 3 м в длину. Уровень пола входа плавно понижался к югу. Стены коридора состояли из вертикальных столбов, небольшого черепа кита и части позвоночного столба кита. Никаких вспомогательных помещений у входа не обнаружено²⁴.

На мысе Крузенштерн исследованы два жилища бирнирской культуры. Однокамерное жилище 32 было подквадратной в плане формы со столбами по углам и стенами из горизонтальных бревен. Перед входом на полу жилища зафиксирован очаг с расщепленными огнем камнями, обожженными костями и золой. Коридорный выход, ориентированный в сторону моря, вымощен деревянными плахами. С северной стороны стена коридора имеет расширение подтреугольной в плане формы, которое использовалось в качестве кладовой.

Второе бирнирское жилище также состояло из одного квадратного в плане помещения со столбами по углам. Оба жилища разделены примерно на равные части, одна из которых представляет собой спальную платформу, возвышавшуюся над уровнем пола на 50 см. Рядом с коридорным входом к той же стене жилища пристроено помещение трапециевидной в плане формы, служившее, очевидно, кухней. Жилища содержали смешанный материал ипиутакской, бирнирской культуры, а также культуры туле. Жилища датированы 770+/-110 и 850+/-100 гг. н.э.²⁵

¹⁷ Stanford 1976.

¹⁸ Larsen, Rainey 1948.

¹⁹ Collins 1937.

²⁰ Giddings, Anderson 1986, 92–94.

²¹ Ray 1884.

²² Mason 1930.

²³ Ford 1959, 36.

²⁴ Ford 1959, 48, fig. 16.

²⁵ Giddings, Anderson 1986, 92–94.

Бирнирские жилища на американском берегу Берингова пролива имеют несколько общих черт с эквенским Н-18: подпрямоугольная форма помещений, четыре столба по углам помещения (такова конструкция кровли помещения 1 в Н-18), коридорный выход, ориентированный в сторону моря и, хозяйственные пристройки, вынесенные за пределы жилого помещения. Однако жилище Н-18 отличается от большинства бирнирских построек конструкцией стен, сложенных из материковой глины и дерна без дерева и костей. Ни в одном жилище, включая жилые комплексы на Чукотке, не зафиксирована центральная опора. Все известные нам жилые комплексы (кроме жилищ на поселении Канискак) имеют в конструкции больше дерева, чем китовых костей. В жилище Н-18 сравнительно мало деревянных конструктивных элементов, оно двухкамерное и имеет две хозяйственные открытые площадки. В помещении 1 нет спальной платформы, но ее функции выполняет помещение 2. Только жилище на поселении Канискак имеет подобную планировку. Исходя из особенностей планировки жилищ, возможно, следует предположить тесные (возможно, родственные) связи соседних поселений Эквен и Канискак.

Первым древнеэскимосским памятником на Чукотке где проводились масштабные многолетние исследования, был Эквен²⁶. С 1995 по 2002 г. полностью изучена конструкция жилища Н-18, включая рабочие площадки за пределами внешних стен.

Древнеэскимосский комплексный памятник федерального значения Эквен, состоящий из обширного поселения и могильника, находится на побережье Берингова пролива в 22 км к югу от п. Уэлен, в 15 км к юго-востоку от м. Дежнева (Чукотский р-н Чукотского АО). Вдоль береговой линии прослежены остатки около 28 жилищ, сохранившихся в виде небольших всхолмлений, на поверхности которых зафиксированы выходы китовых костей (ребра, черепа, кости нижней челюсти), являвшиеся конструктивными элементами жилых построек, и культурный слой древнеэскимосского поселения.

Жилые комплексы поселения Эквен, сгруппированные по 2–4 жилища, и культурный слой поселения расположены вдоль береговой линии Берингова пролива на протяжении около 300 м и 80–150 м вглубь тундры. На юго-западе остатки жилищ и культурный слой поселения ограничен небольшим оврагом, на северо-востоке – началом косы, отделяющей лагуну от пролива. Часть культурного слоя разрушена прибоем и штормами. По обрыву вдоль береговой линии, где расположена большая часть жилых комплексов, каждый год наблюдаются обвалы, обнажающие культурный слой (рис. 1.1) где собрана весьма представительная коллекция подъемного материала.

Жилище 18 (Н-18) расположено на периферии Эквенского поселения, в 80 м от моря и 50 м от берега лагуны, хорошо прослеживалось с поверхности, представляло собой единую структуру и не имело видимых повреждений. Оно имело форму всхолмления около 14–15 м в диаметре и 80–90 см высотой, поросшего низкорослой травянистой растительностью. На поверхности зафиксированы выходы вертикальных костей кита, частично разрушенных в верхней части, являвшихся конструктивными деталями жилища.

²⁶ Blumer, Csonka 1997; Бронштейн, Днепровский 2001; Днепровский 2001, Dneprovskiy 2002; Moulin, Csonka 2002.

Рис. 1. Поселение Эквен. 1 – общий вид на поселение с востока; 2 – исследование жилища Н-18, вид с севера; 3 – жилище Н-18, помещение 2

В течение полевых сезонов 1995–2002 гг. исследовано все всхолмление, общая площадь раскопа составляет более 120 кв. м. Выявлены основные конструктивные принципы эквенского жилища Н-18, которое сооружено в бирнирско-пунукское время, признаки его функционирования в более позднее время отсутствуют. Жилой комплекс имеет уникальную сохранность с четкими границами, контурами и уровнями залегания основных конструктивных элементов, таких как несущие столбы, стены, полы. Следы перестройки и разновременности сооружения помещений не зафиксированы. Инвентарь жилища однороден в культурном отношении и дает ясные представления о жилом комплексе определенного отрезка времени (рис. 1. 2).

Жилище было возведено на небольшом естественном возвышении и состояло из следующих крупных структурных элементов: двух разновеликих соединяющихся помещений, перекрытых кровлей (№ 1, 2), коридорного входа (№ 3), открытой площадки с очагом и ямами для хранения продуктов (№ 4) и открытой площадки с крупным очагом (№ 5).

Помещение 1. Основное, большее по площади, имело подпрямоугольную форму шириной 3,6 м и длиной более 6 м, ориентировано длинной осью по линии ВЮВ–ЗСЗ. Постройка была возведена на дневной поверхности. В качестве каркаса стен и опор кровли строители Н-18 использовали разрубленные надвое и, часто, с удаленной суставной частью, кости нижней челюсти китов, черепа гренландского и серого китов, поставленные друг на друга, а также китовые позвонки, сочлененные в скелетном порядке и поставленные вертикально. Несколько опор изготовлены из плавниковых стволов хвойных деревьев. Иногда одну опору могли составлять две или три челюстных вертикальных кости кита, которые были врыты вплотную друг к другу. Со временем конструкция жилища ремонтировалась, опоры расшатывались и проседали. Видимо, поэтому в северо-западном углу помещения расстояние между тройными опорами немногим более 0,5 м.

Благодаря вечной мерзлоте большая часть вертикальных деталей каркаса стен сохранилась в вертикальном положении. Столбы из челюстных костей кита были вкопаны в пол помещения на глубину не более 30 см и располагались в углах помещения, вдоль стен, а также в центральной части. Среднее расстояние между опорами 1,5 м. Основания составных опор из позвонков и челюстей в пол не вкапывались. Две крупных опоры – одна из позвонков кита, другая из трех черепов, поставленных друг на друга, располагались вдоль южной стены. Составные опоры упали на уровень пола. Расстояние между основаниями этих опор стандартное. Поверхность пола между опорами плавно повышается к юго-востоку, в сторону открытой площадки 4. В стене прослеживается разрыв и таким образом, помещение 1 соединялось проходом с площадкой 4. Возможно, выход на площадку функционировал только в теплое время года.

В процессе исследования часть помещения вдоль западной стенки была интерпретирована как грунтовая спальная платформа, шириной более 1,5 м и около 40 см в высоту. Основанием этому в большей степени послужило то, что в этой части помещения выше уровня пола на 60–120 см были обнаружены отдельные части человеческих скелетов, принадлежащих семи разнополым особям 20–25 лет (антропологический материал обработан группой физической антропологии Института археологии РАН – под руководством Т.И. Алексеевой). Анатомический

порядок костей нарушен, ни одного полного скелета не зафиксировано. Часть костей, включая один из четырех фрагментированных черепов, располагалась восточнее контура «спальной платформы», внутри помещения, но выше уровня его пола на 90–100 см. Ни одной кости человека на полу жилища не найдено. Рядом с костями человека обнаружены крупные пластины китового уса и небольшая деревянная плаха, которые были приняты за вымостку спальной платформы, а не за элементы погребального обряда. Сомнения в правильности такой интерпретации возникли уже в процессе исследования, в 1996 г. Человеческие кости были захоронены или иным образом попали внутрь помещения, после того, как жилище было покинуто. Естественно, перемещению костей способствовали землеройные животные. Этим объясняется разброс в уровнях залегания костей на 70 см. Кости человека принадлежали семи особям.

Погребение, сохранившееся лучше, обнаружено в северо-западной рухнувшей наружу дерновой стене помещения 1. Это был скелет женщины плохой сохранности на глубине 10–15 см от современной поверхности. Погребенная лежала на спине с поднятыми вверх коленями, ориентирована головой на запад. Верхняя часть грудной клетки и череп находились на лопаточной кости гренландского кита. Слева на грудной клетке обнаружен сланцевый шлифованный нож-уляк. К сожалению, датировать погребение на основании инвентаря не представляется возможным. Радиоуглеродная дата по костям из погребения 1 еще не готова. Две даты (AAR-2777: 1655±50 л.н.; AAR-2776: 1645±45 л.н.), полученные по останкам человека из Н-18 в лаборатории Датского национального музея (Копенгаген), относятся к IV в., т.е. ко времени существования культуры бирнирк. Погребальный обряд с использованием лопатки кита является обычным для всего времени функционирования Эквенского могильника – от древнеберингоморской до пунукской культуры. Интересен сам факт захоронения людей не на обширном могильнике, расположенном на двух холмах в двухстах метрах к западу от поселения, а в стенах жилища. Погребения с инвентарем, аналогичным найденному в жилище Н-18, обнаружены в Эквенском могильнике. Скорее всего, погребения совершены в стенах жилища людьми, не знавшими о существовании могильника или не считавшими его «своим». Следует отметить, что на поселении Бирнирк (мыс Барроу) в жиллом холме А обнаружены человеческие скелеты. Один из них лежал в полусогнутом положении. Кости остальных пяти только частично имели анатомический порядок и многие кости отсутствовали. Погребенные были завернуты, вероятно, в остатки одежды из шкуры медведя и утиной кожи. Из краткого описания места расположения скелетов удалось выяснить, что они находились на 5 футов выше уровня пола помещения. Наличие человеческих скелетов в руинах жилища Дж. Форд не комментировал²⁷.

Пол помещения в центральной части вымощен крупными – более 1 м в длину и до 0,85 м в ширину – сланцевыми плитами. Внешняя (верхняя) поверхность плит слегка вогнутая и отшлифованная. Вероятно, плиты вымостки использовались как крупные абразивы для шлифовки каменных орудий. Общая длина вымостки, ориентированной с юго-запада на северо-восток, составляет свыше трех метров. Еще одна каменная кладка ориентирована по линии север-юг от центра помещения 1 в

²⁷ Ford 1959, 45.

направлении помещения 2. Под несколькими плитами вымостки, в основном в западной части, обнаружены крупные обломки костей, камни и куски дерна. Самая крупная плита лежала на сланцевой плите небольшого размера. Возможно, таким способом улучшалась теплоизоляция пола (создание воздушной прослойки между плитой и грунтом). Вечная мерзлота под вымосткой, видимо, постепенно подтаивала, и проседающие плиты необходимо было время от времени приподнимать, чтобы избежать затопления талой водой. Видимо, пол жилища постоянно обновлялся, наращивался из крупных костей животных и камней по мере подтаивания вечной мерзлоты. Часть деталей пола постепенно втапывалась в жилую поверхность, проседала в размягченный под действием талой воды уровень пола. На их место приносили другие камни и кости. Ориентация вымостки совпадает с направлением коридорного выхода из жилища. Ее уровень плавно понижается к западу. В восточной части помещения вымостка заканчивается выходом.

Очаги в помещении не обнаружены. Очевидно для отопления и освещения использовались переносные керамические жирники – фитильные лампы, наполнявшиеся растопленным жиром морских млекопитающих. Целые жировые лампы в помещении не обнаружены. Предположительно, некоторые фрагменты керамики в помещении могли быть частями жировых ламп. В качестве «мебели», очевидно, использовались шесть крупных китовых позвонков, стоявших на полу помещения в северной части.

К северо-восточной стене помещения примыкает коридорный выход. Уровень пола в коридоре ниже уровня пола помещения не менее чем на 60 см. К восточной части северной стенки помещения 1 примыкало помещение 2. В помещении 2 вела ступенька, сложенная из горизонтальных деревянных плах. Между коридором и помещением 2 зафиксирована вымостка длиной 1,2 м, шириной около 0,5 м из костей кита, уровень которой плавно понижается к северо-востоку, в направлении площадки 5. Здесь в стене, сложенной из кусков дерна имеется разрыв. Очевидно, это выход на площадку 5.

Помещение 2 (рис. 1. 3) имело подпрямоугольную форму длиной 3,5 и шириной 2,5 м и было ориентировано длинной стороной по линии С–Ю. По четырем углам располагались вертикальные опоры. Три мощных одиночных опоры сделаны из плавникового дерева. Четвертая, расположенная в юго-западном углу состояла из трех, стоящих вплотную друг к другу, вертикальных бревен. Верхние части трех деревянных опор обломаны, опора в юго-восточном углу срублена на высоте 70 см от уровня пола и имеет глубокие четкие следы рубящего орудия по кругу. Срубить опору помещения можно было только изнутри. Очевидно, после того как жилище было покинуто, дерновые стены долгое время не разрушались. Поэтому из помещения вынесены все пригодные к употреблению вещи – находок здесь несравнимо меньше, чем в помещении 1, и все они обнаружены между плитами пола. Позднее деревянные опоры, горизонтальные бревна из стен или те их части, которые не оказались в вечной мерзлоте, были целенаправленно извлечены из руин жилища и использованы для новых построек или в качестве горючего.

Плавниковое бревно длиной более трех метров лежал на полу помещения вдоль восточной его стенки. Очевидно, подобных, соединяющих угловые опоры, лаг должно было быть минимум четыре. Высота помещения не восстанавливается, но, судя по большому диаметру мощных опор, сохранившихся на высоту до

70 см, стены вряд ли были ниже, чем в помещении 1, тем более, что их кровли соединялись.

Внутри помещения попала вода – вся поверхность пола была покрыта слоем чистого льда толщиной до 35-40 см. По мере оттаивания проявлялись четкие контуры стен помещения. Конструкция стен такая же, как в помещении 1. Дерновые верхние части стен сложены на материковом выкиде. В центре северной стены на полу стояли вертикально две кости кита длиной 60 см – видимо, детали, укрепляющие стену. Часть челюстной кости кита такой же длины стояла около западной стенки. Пол помещения вымощен крупными сланцевыми плитами длиной до 1,4 м, положенными вплотную друг к другу. Внешняя поверхность плит со следами шлифовки. Торцы плит вымостки не обрабатывались, правильная форма деталям кладки не придавалась, просто выбирался нужный по размеру камень. В южной части помещения плиты уложены в два слоя. Видимо, пол наращивался по мере подтаивания мерзлоты и постепенного проседания ступеньки между помещениями. Уровень пола помещения 2 выше уровня пола помещения 1 на 30-40 см. Вход между угловыми опорами на юге имел ширину 1,85 м и, очевидно, мог завешиваться шкурами. Ступенька высотой до 40 см укреплена четырьмя плахами, положенными горизонтально друг на друге. Западные концы плах заведены за один из трех столбов опоры в юго-западном углу.

Помещение 2, по-видимому, служило спальным платформой. В пользу этого предположения можно привести следующие соображения: Уровень пола помещения заметно выше, чем в помещении 1 – спальная платформа всегда выше окружающего пространства в арктическом жилище; размеры помещения относительно небольшие, следовательно, его легче нагреть; на полу помещения 1 в отличие от помещения 2 почти нет костей животных. Если здесь и принимали пищу, то кости выносили; возможно, помимо переносных жирников для отопления помещения использовались окатанные гальки из теплоемкого липарита, которые нагревались в костре и, затем вносились внутрь.

Коридорный выход примыкал к восточной короткой стенке помещения 1. Он располагался в его юго-восточном углу и был ориентирован по линии запад-восток, в сторону моря. Каменная вымостка на полу в помещении 1 являлась продолжением выхода. Ширина внутренней части коридора до 0,9 м, длина около 6 м. Параллельные стены коридора сложены из крупных позвонков кита, лежащих на боку один за другим, вертикально поставленных частей ребер и конечностей кита, а также из суставных частей костей нижней челюсти кита. Основу обеих стенок составляют два ряда позвонков, поставленных друг на друга. Внутренняя часть коридора заполнена льдом, уровень пола значительно, не менее, чем на 60 см, ниже, чем в помещении 1. Перепад в уровнях пола между коридором и помещением был необходим для сохранения тепла в жилище. К югу от места примыкания коридора к помещению, немного выше конструктивных элементов стен коридора, в северо-восточной части площадки 4 обнаружено скопление ребер кита длиной до 1,5 м в количестве не менее 12 штук. Возможно, ребра служили перекрытием коридора и были разобраны после того, как жилище было покинуто.

Площадка (№ 4) находилась за южной стеной помещения 1, соединялась с ним входом и примыкала к нему с юга и юго-востока. Она имела неправильную овальную форму размерами 4 x 5,2 м и была ориентирована параллельно помещению 1.

В западной и северной части площадка ограничена мощной дерновой стеной помещения 1. Площадка маркировалась поверхностью в виде плотно утрамбованной органики, которая образовалась, очевидно, от длительного хранения запасов мяса морских млекопитающих. Поверх органики площадка была вымощена некрупными (до 0,5 м в длину) сланцевыми плитами, лопаточными костями позвонками серых китов. Уровень пола пристройки несколько выше, чем в центральной части и соответствует древней дневной поверхности. В этой части жилища нет вертикальных опор стен. Никаких следов стен с севера и востока не зафиксировано. Возможно, площадка имела не сохранившееся перекрытие из шкур, державшееся на легком, не вкопанном в грунт деревянном каркасе. Не исключена и другая версия: выявленная вымостка не имела перекрытия и использовалась в теплое время года.

В полу пристройки сооружены подпрямоугольная и овальная ямы для хранения запасов мяса и жира морских животных, длиной около 1,5 м и глубиной до 40 см, с плотными, пропитанными органикой стенками и дном. Вокруг ям – утрамбованный слой той же органики.

В юго-западной части площадки, в двух метрах от входа в помещение № 1 обнаружен очаг. Здесь на уровне вымостки зафиксированы вкрапления древесного угля, мелкие обожженные камни и фрагменты обожженных костей в зольном пятне. Зольное пятно с иногда встречавшимися мелкими фрагментами керамики, толченой раковины (?) и кальцинированными фрагментами костей проходит полосой шириной до двух метров с севера на юг. Пятно имело мощность до 10 см и читалось в профиле южной стенки раскопа. Оно представляло собой остатки кострища или, скорее, следы сгоревшего материала, периодически вычищавшегося из очага, верхний уровень которого зафиксирован в пределах этого пятна. Пятно сгоревшего материала находилось на уровне поверхности вымостки площадки. Скопление камней (липаритов) размерами до 10 x 15 см занимало площадь приблизительно 40 x 40 см. Это верхний уровень очага. Очаг овальной в плане формы, 0,9 м в длину и 0,7 м в ширину, ориентирован по линии С–Ю. Площадь очага ограничена валиком из обожженной по поверхности глины шириной до 20 см. В разрезе валика вокруг очага – не прокаленная материковая глина. Дерновые брикеты, размерами приблизительно 10 x 20 см, сложены в несколько слоев по внешнему контуру очага с наклоном во внешнюю сторону. Верхний уровень валика, ограничивающего очаг, был выше основания окружающих его крупных костей на 25-30 см. В центре очага имеется углубление диаметром до 45 см. На дне его компактно сложены плоские камни со следами огня. В западной и северной части очага обнаружены две лопаточные кости кита, частично перекрывающие восточную и северную его стенки. Заполнение очажного углубления представляло собой пережженный грунт с золой и мелкими углями. Встречались также и обожженные фрагменты костей. Уровень залегания основания очага соответствует уровню расположения основных конструктивных деталей вымостки пола пристройки. В западной части пристройки обнаружено скопление ребер серого кита.

Находок в пристройке существенно меньше, чем в помещении 1, по количеству и категориям изделий. Многочисленные фрагменты керамики и кости животных, а также очаг позволяют предположить, что пристройке служила кухней в теплое время года, а также кладовой. Площадка не имела стационарной кровли и стен и не могла служить жилым помещением.

Рис. 2. Поселение Пайпельгак. 1 – переход между помещениями 1 и 2; 2 – помещение 2

Площадка 5 располагалась к северу от коридорного входа в жилище и ограничена его северной стенкой, а также восточной дерновой стеной помещения 2. Здесь зафиксировано мощное пятно, состоящее из золы, углей, фрагментов пережженных костей. В центре пятна зафиксирован крупный очаг овальной формы, длиной до 1,8 м, слегка углубленный в землю. В очаге обнаружены липаритовые гальки со следами сильного прокала. В очаге и вокруг него по всей поверхности площадки обнаружено большое количество крупных фрагментов керамики, как правило, очень плохой сохранности. Ее значительно больше, чем во всех других помещениях жилища. Видимо здесь использовались крупные сосуды, однако, форму и точные размеры установить не удалось.

Таким образом, жилище Н-18 состояло из двух соединяющихся «теплых» жилых помещений, перекрытых кровлей. Помещение 1 сообщалось входами с двумя открытыми более легкими по конструкции подсобными сооружениями с хозяйственными ямами и очагами и имело коридорный выход в сторону моря.

В 2002–2015 гг. Чукотская археологическая экспедиция Государственного музея Востока проводила исследования на древнеэскимосском поселении Пайпельгак (названном по небольшому ручью), расположенному в 1,5 км к северо-западу от устья р. Чегитун, на берегу Ледовитого океана (Чукотское море), примерно в 80 км к северо-западу от пос. Уэлен, и в 42 км к северо-западу от пос. Инчоун в Чукотском районе Чукотского АО²⁸ (рис. 2–4).

На поселении Пайпельгак сложились уникальные даже для условий вечной мерзлоты условия для сохранности построек. Дело в том, что после того как они были покинуты, постройки в течение короткого времени оказались погребены под слоями грунта и щебня. Жилой уровень был быстро перекрыт материалом, обвалившимся или смытым с холма, под склоном которого они сооружены, и уровень мерзлоты немедленно поднялся. Постройки, не успев разрушиться на поверхности, оказались в многолетнемерзлом грунте. Таким образом, стены и опоры кровли помещений сохранились на значительную до 1,2 м высоту, дошли до нас не только предметы из органических материалов, но даже содержимое мясных ям, где хранились пищевые запасы.

Занимающее верхний, самый молодой стратиграфический уровень на поселении жилище бирнирксского времени состояло из двух перекрытых объемов, соединенных переходом. Коридорный выход был устроен в более крупном помещении.

Помещение 1 имело почти квадратную форму, приблизительно 3,5 x 3,5 м и ориентировано по сторонам света (рис. 4. 1). Оно было возведено на древней дневной поверхности. Стены (кроме северной) сложены из горизонтальных бревен, положенных друг на друга. Сохранились нижние венцы стен и опорные столбы высотой до 50–60 см (до современного уровня вечной мерзлоты). Угловых сочленений бревен нет. В углах помещения с внутренней и внешней сторон стен располагались деревянные столбы, врытые неглубоко. Они служили для крепления бревен стен и опорами кровли. К ним, возможно, при помощи ременных соединений крепились горизонтальные бревна стен. Постройка постоянно ремонтировалась, подновлялась: со временем, по углам приходилось ставить дополнительные вертикальные столбы, которые укреплялись короткими клиновидными деревянными и костяными подпорками вокруг основания.

²⁸ Dneprovskiy 2006; Бронштейн, Днепроvский, Сухорукова 2007; Днепроvский 2007; 2012.

Рис. 3. Поселение Пайпельгак. 1 – помещения 1 и 2, нижний уровень; 2 –помещение 1, южная стена

Между горизонтальными бревнами стен, видимо, в целях экономии древесины, оставлялись зазоры: горизонтально уложенные одно на другое бревна не прилегали друг к другу в желобок, но между ними прокладывались позвонки кита и короткие бревна (рис. 3. 2). Промежутки между бревнами с внешней стороны закрывались рядами коротких плоских тесаных досок, поставленными вертикально. Например, одно из горизонтальных бревен стены имеет продольный желобок шириной от 4 до 5 см, глубиной 2-3 см. Под бревном с желобком располагалось еще одно бревно, имевшее желобок на верхней поверхности. Первоначально эти бревна не располагались непосредственно друг на друге. В желобок ставились рядами вертикальные дощечки - в несколько ярусов. Каждый ярус крепился в следующем бревне.

Основания нижних венцов стен были приподняты над землей и стояли на камнях, позвонках кита или небольших вертикальных бревнах. Толщина стен была около 1 м, с наружной стороны они засыпались землей. Пол помещения не заглубленный в землю, был вымощен деревянными плахами, лежащими параллельно. В северной стене помещения имеется выход на площадку за его пределами. Выход не был перекрыт крышей – опорных столбов перекрытия не зафиксировано. Возможно, он использовался только в теплое время года.

Челюстная кость кита в качестве одного из венцов зафиксирована в южной стене помещения 1. Еще одна челюстная кость гренландского кита, обнаруженная в секторе «В» на одном из верхних уровней, могла быть одним из верхних венцов восточной стены. Видимо, она находилась выше вечной мерзлоты, и после того как истлели бревна, на которых она лежала, она скатилась к востоку, в сторону склона. В руинах помещения 1 прослеживается общая тенденция в направлении перемещения конструктивных элементов, потерявших опору. Как правило, все они проседают в сторону склона, в восточном направлении.

Угловых сочленений бревен нет. По углам помещения были размещены вертикальные деревянные столбы, врытые неглубоко. К ним, возможно, при помощи ременных соединений крепились горизонтальные бревна стен. По-видимому, со временем, в углах приходилось ставить дополнительные столбы, которые укреплялись короткими клиновидными подпорками вокруг основания.

Жилой уровень или уровень пола маркирован спрессованными слоями мусора (мощностью около 10 см), состоящего из щепок, фрагментов китового уса, меха, птичьих перьев и большого количества бытовых предметов, как правило, фрагментированных.

Пол помещения имел один уровень и был вымощен деревянными плахами, ориентированными по линии 3–В. Среди бревен с уплощенной верхней поверхностью лежала челюстная кость кита. В южной части вымостка пола не прилегает к стене. Здесь вкопаны короткие столбики, которые крепили крайнюю южную плаху и, возможно, огораживали место для керамического жирника, фрагменты которого здесь и обнаружены. Земляная поверхность пола здесь сильно насыщена органикой и утрамбована. Возможно, здесь хранились запасы жира для отопления и освещения. В восточной части помещения, от юго-восточного угла к выходу проходит мерзлотная трещина, заполненная льдом. Ширина ее до 40 см. Над трещиной элементы конструкции пола разорваны и смещены к востоку на 20–30 см. Возможно, поверхность пола под восточной стенкой слегка просела. Не исклю-

чено, что мерзлотная трещина появилась еще во время функционирования жилища и этим можно объяснить то, что восточные концы бревен пола приподняты и лежат на бревне, ориентированном по линии С–Ю. Только два бревна вымостки пола в центральной части доходят практически до восточной стенки помещения. Остальные бревна заканчиваются за 50–60 см до нее. Возможно, под восточной стенкой намеренно оставлен участок земляного пола, уровень которого несколько ниже общего уровня бревен вымостки. Человек, входящий в помещение из коридора, таким образом, попадал на земляной участок пола.

В восточной части северной стены помещения 1, восточнее коридора, имеется выход непосредственно за пределы помещения в направлении северо-северо-восток. Он маркирован разрывом в стене помещения, ступенькой между лопаткой кита, лежащей на полу помещения и вымосткой из каменных плит и крупных костей. Этот выход не имел крыши – опорных столбов перекрытия не зафиксировано. Возможно этот выход использовался только в теплое время года и зимой не функционировал.

В северной стене помещения 1 устроен переход в помещение 2, в его сторону (на север) ведет каменная вымостка пола со столбами по сторонам. Коридор примыкал к земляной засыпке стены между помещениями 1 и 2. Все опоры перекрытия коридора деревянные. Ширина перехода 50–60 см, длина – более 2,5 м. Четыре пары опорных столбов перекрытия коридора, считая пару столбов, входящих в конструкцию северной стены помещения 1, сделаны из бревен. Их основания заглублены ниже уровня вымостки пола коридора на 10–15 см. Видимо столбы сохранились полностью: вершина третьего от помещения с западной стороны – со следами обработки торца. Третий столб с восточной стороны сделан из бревна с раздвоенной прикорневой комлевой частью, врытого вершиной вниз. Высота его от вымостки пола 110 см. Это реальная высота коридора от вымостки до перекрытия. Частично сохранились и лаги перекрытия коридора. В северной части его зафиксировано бревно, ориентированное по линии запад-восток, диаметром до 10 см, лежащее восточным концом на вершине опорного столба коридора. Рядом с ним и параллельно выявлена челюстная кость серого кита, которая так же являлась лагой перекрытия коридора. Над центральной частью коридора расчищены три обтесанные с двух сторон доски шириной до 20 см, толщиной до 20–30 см, длиной до 1,7 м, ориентированные вдоль коридора. Первоначальное функциональное назначение этих досок не известно, но они, видимо, являлись конструктивными деталями кровли коридора, и в последствии просели вниз. Возможно, коридор, поверх поперечных и продольных лаг перекрытия, накрывался шкурами морских млекопитающих. Уровень пола в коридоре, на котором лежали элементы его перекрытия, ниже уровня пола в помещении на 40–50 см. Вымостка пола состояла из нескольких сланцевых плит со следами шлифовки на верхней поверхности, а также крупной лопаточной кости гренландского кита в северной части.

Помещение 2 (рис. 2. 2) имело подпрямоугольную в плане форму, размерами приблизительно 4 x 4 м. Вдоль стен располагались вертикальные опоры из дерева и челюстных костей кита. Пол вымощен бревнами и крупными каменными плитами. На первом строительном горизонте помещения зафиксированы следы пожара. Вертикальные деревянные опоры, стоящие вдоль стен, имеют следы огня. В северо-западном углу на первом («допожарном») уровне часть стены сооруже-

на из крупных каменных плит, поставленных вертикально. С внешней стороны за плитами прослежен мощный слой углей, древесная и костная зола. За стеной помещения разводился огонь, и нагретые каменные плиты стены отдавали тепло внутрь жилища. Возможно, именно эта экспериментальная система отопления и привела к пожару – в непосредственной близости от очага находились деревянные опоры. Следы огня зафиксированы на столбах северной части перехода из помещения 1 в помещение 2. Большая часть перехода и малое помещение от огня не пострадали. Сразу после пожара помещение было восстановлено и несколько перепланировано. Заменены сгоревшие плахи пола и выметен уголь. Рядом с основаниями сгоревших столбов, вкопанных в землю, поставлены новые опоры. После пожара помещение было несколько расширено – одна из стен перенесена (рис. 3. 1), система отопления не возобновлялась, и на место кострища поставлена новая опора. Под вымосткой пола в центре сооружен «погребок» подтреугольной в плане вытянутой формы, ориентированный с запада на восток. Стены его выложены из горизонтальных челюстных костей кита.

Коридорный выход из помещения 2, длиной более четырех метров сооружен в восточной стене большого помещения и ориентирован на восток, в сторону склона. Северная его стена частично разрушена мерзлотной трещиной. Южная сложена из вертикальных челюстных костей и черепов кита, имеются деревянные опоры кровли. На полу лежали крупные лопатки кита.

Помещение 1 перекрыло более раннюю каменную кладку пола. Основание стены помещения, к которому относится эта кладка, обнаружено под каменной вымосткой перехода. К более раннему уровню относится и крупный очаг, расположенный в непосредственной близости от стены малого помещения. Здесь найдено несколько наконечников гарпуна с орнаментом типа ДБК-II.

В 2010–2015 гг. на глубине более 3 м в раскопе площадью более 250 кв. м обнаружено три жилые структуры (помещения 4–6). По инвентарю они относятся ко времени существования древнеберингоморской культуры (ДБК-II) и были перекрыты жилищем бирнирского времени, состоявшим из соединенными крытым переходом помещений 1 и 2.

Помещения 4 и 5 располагались на одном стратиграфическом уровне в 2,5 м друг от друга. Они были небольшими, однокамерными и имели коридорные выходы. Выходы из помещений 4 и 5, направленные в восточный сектор, как и выходы из помещений 2 и 3, сходятся в естественной, по-видимому, ложбине, которая использовалась для сооружения выходов в течение долгого времени. Далее к востоку направлена уже единая вымостка пола из китового уса, камней, костей животных и дерева, слегка углубленная в землю, или, точнее сказать, протоптанная. Это, собственно, не коридорный выход, а скорее «тропа», которая вела к входам в жилища, создававшаяся и функционировавшая с древнеберингоморского времени до бирнирка и пулука. Выходы не имеют опорных столбов по сторонам для сооружения кровли. Перекрытия, возможно, сооружались только над небольшими участками коридоров, примыкавшими к помещениям. Среди деталей вымостки коридоров найдено довольно много предметов.

Помещение 4 имело подпрямоугольную сверху и подокруглую на нижних уровнях в плане форму, размерами приблизительно 3,5 x 4,5 м на первом (сверху) уровне пола, было ориентировано длинной стороной по линии ЮВ–СЗ. Северо-

западная стена маркирована четырьмя вертикальными деревянными опорами, стоящими в линию, и одной ямкой от столба. Вдоль юго-западной стены располагались пять опор кровли: два столба из бревен и три опоры, места расположения которых сохранились в виде каменной, костяной и деревянной забутовки оснований столбов. Вдоль северо-восточной стены стояли два столба из челюстных костей кита; угловой столб в юго-восточном углу сохранился в виде забутовки. Между опорами стен и кровли помещения стояли вертикально каменные плиты, которые образовывали подобие «цоколя». Пол помещения был вымощен плоскими камнями, лежащими плотно друг к другу, а также деревянными плахами и костями кита. Пол постепенно наращивался слоями камней и костей по мере проседания его из-за таяния вечной мерзлоты под отапливаемым сооружением. Планировка помещения, видимо, изменялась с течением времени. На уровне пола, вдоль юго-восточной стены была сооружена пристройка, которая, по всей видимости, не имела перекрытия – нет опорных столбов кровли. Может быть это просто вымостка пола рабочей площадки, примыкавшей к помещению. На втором уровне пола эта пристройка также существует, однако на ранних уровнях пристройки с юго-востока еще нет. На ранних уровнях изменяются контуры помещения 4. Подпрямоугольное в плане, оно имеет размеры 2,1 x 2,5 м и ту же ориентировку, что и на последующих строительных горизонтах. На более поздних уровнях оно приобретает округлую в плане форму около 2,5 м в поперечнике. Внутри помещения вдоль юго-западной стены сооружена небольшая яма подтреугольной в плане формы. Стены ямы выложены бревнами в четыре венца. По мере наращивания пола яма не углублялась, но добавлялись венцы стен и фактическая глубина ямы увеличивалась. Ее общая глубина от верхнего уровня пола помещения составила до 0,5 м. На дне ямы обнаружены несколько предметов и фрагменты керамики. Вдоль северо-западной стенки помещения 4 сооружена полка, уступ из ребра кита. Столбы, стоящие вдоль стен, забутованы костями и осколками камней.

На том же уровне, на котором расположено помещение 4, выявлено помещение 5. Его контуры маркированы вымосткой из горизонтально лежащих вплотную друг к другу каменных плит, длиной до 40 см и деревянных плах, шириной 10–15 см, длиной до 1,6 м, ориентированных по линии С–Ю. Деревянные плахи в ряде случаев частично перекрыты камнями, что говорит о том, что плахи составляли часть вымостки пола, но не упали, к примеру, с перекрытия помещения. Помещение 5 имело подпрямоугольную в плане форму и было ориентировано длинной стороной по линии З–В. Вдоль западной и южной стенки расположены деревянные вертикальные столбы диаметром от 10 до 20 см. В восточной стенке имеется разрыв шириной 70 см от столба до столба – это выход из помещения. Столбов в северной стенке «не хватает». Разреженные камни вымостки пола на севере не имеют опоры для сооружения кровли в северо-восточном углу, исключая северный крупный столб с комлевой частью дерева, который маркирует северную стенку выхода. Южную часть входного проема маркируют пять деревянных вертикальных столбов. С юга выход оформлен горизонтальной крупной плахой. Северная стенка выхода оформлена наклонно стоящими каменными плитами, ребром и челюстной костью кита.

Пол в помещении 5, так же как и в прочих на поселении, наращивался по мере его проседания и оттаивания вечной мерзлоты. Небольшие (не более 2,5 x 3 м)

однокамерные помещения 4 и 5, по-видимому, были малы для проживания семьи, и были сезонными жилищами охотников.

Помещение 6 расположено на одном стратиграфическом уровне с помещениями 4 и 5, основной объем имел размеры приблизительно 220 x 230 см, оно было ориентировано по линии СВ–ЮЗ. В юго-восточной части стена маркирована горизонтальной деревянной плахой, остатки такой же плахи расположены в северо-восточной стене помещения. Юго-западная и северо-восточная стены, видимо, были сложены из дерна. Верхний уровень пола помещения 6 вымощен близко лежащими плоскими каменными плитами, размером до 1 м. Вертикальные деревянные опоры стояли вдоль стен. В центре помещения, чуть ближе к юго-западной стенке расположена четырехугольная яма со стенками из горизонтальных деревянных плах и небольших костей, размерами 40 x 40 см, не перекрытая каменными плитами пола, глубиной до 40 см от уровня пола. Обнаруженная на дне ямы орнаментированная гравировкой головка гарпунного древка из клыка моржа, в частности, дает возможность датировать помещение 6 периодом ДБК-II. На полу, у юго-восточной стенки, вдоль нее, зафиксирована «ниша» или полка, отгороженная от стены ребром кита. «Отделение» за перегородкой перекрыто куском кожи моржа и камнями. На коже зафиксировано несколько предметов. Нижний (первый) уровень пола в помещении 6, который отделен от верхнего уровня насыпкой из суглинка со щебенкой, взятого вблизи помещения. Под перекрытием из кожи моржа и камней в «нише» у юго-восточной стены помещения, отгороженной лежащей горизонтально костью кита, укрепленной по внешним сторонам деревянными кольшками, обнаружено скопление костей животных. Судя по характеру костных остатков, это не запасы продуктов, а кухонные отходы. Вымостка пола на нижнем уровне не сплошная, пол покатым в южном направлении. Столбы – опоры стен помещения – расчищены до основания. Структура, примыкающая с севера к основному объему помещения 6, состоящая из каменной вымостки, шириной до 1 м, ориентированной по линии северо-восток – юго-запад, была принята за коридорный выход из помещения 6. Однако позднее был обнаружен коридорный выход, ориентированный на восток и частично разрушенный обвалом. Каменная вымостка, примыкавшая к помещению 6 с северо-запада, оказалась вторым жилым объемом в двухкамерном жилище. Оно представляло собой небольшую спальню, длиной до 2 м и шириной до 1 м, с каменной вымосткой пола и деревянными опорами перекрытия вдоль стен. Спальня была соединена с более крупным помещением проемом в северной его стене. Итак, помещение 6 оказалось двухкамерным. Выход располагался в восточной стене более крупного помещения жилища 6. Коридорный выход имел вид портала из двух расширяющихся к северо-востоку стен, сложенных из деревянных плах, положенных друг на друга, отделен от помещения порогом из деревянной плахи. Уровень пола в нем резко понижался к востоку. Перепад высот между выходом и полом большего помещения жилища 6 составлял 50 см (рис. 4. 2).

Жилище 6 по стратиграфическому своему положению в раскопе, архитектуре и типам предметов, следует датировать временем существования древнеберингоморского II (ДБК-II) периода развития древнеберингоморской культуры Чукотки. Это третье жилище этого времени на памятнике Пайпельгак.

Рис. 4. Поселение Пайпельгак 1 – помещение 1, вымостка коридора, вид с севера; 2 – помещение 6

Итак, исследования на Пайпельгаке показали, что это первый жилой памятник на Чукотке, имеющий несколько стратиграфически выделенных последовательных горизонтов застройки. Помещение 2 имеет два строительных горизонта, разделенных пожаром. Стратиграфически всему комплексу жилища предшествует еще несколько горизонтов культурных наслоений.

Малое помещение жилища 1 на поселении Пайпельгак имеет много общих черт с малым помещением Эквенского жилища Н-18. Оба помещения одинаково ориентированы по сторонам света, сооружены на поверхности и не заглублялись в землю. Они одинаковой четырехугольной или подквадратной в плане формы и почти равные по площади. По углам расположены несущие кровлю и поддерживающие стены деревянные столбы. Сооружения представляют собой теплую стационарную столбовую конструкцию с грунтовой (дерновой) внешней подсыпкой стен. Общим признаком является использование горизонтальных бревен в конструкции стен. В Эквенском жилище нет деревянных бревен в вымостке пола, но преобладают каменные плиты. В пайпельгакском помещении 1 вымостка пола состоит в основном из бревен, но каменными плитами выложена часть пола, примыкающая к выходу. Судя по составу инвентаря, оба помещения имели жилое, а не хозяйственное назначение. Малая площадь и другие признаки позволяют предположить одинаковое назначение построек в качестве спальных помещений.

Малое помещение Эквенского жилища Н-18 примыкало непосредственно к более крупному с севера, а не с юга как помещение 1 на Пайпельгаке. Между большим и малым помещениями на Эквене нет мощной земляной стены, они соединяются через ступеньку и общая стена, в которой расположен проход из одного помещения в другое, была тонкой. Помещение 1 на Пайпельгаке имеет четыре стены, три из которых внешние, и четвертая, общая для обоих помещений, так же имеет земляную подсыпку. Коридорный выход в восточной части северной стены этой постройки, длина которого более трех метров, примыкает с востока к земляной стене и соединяет малое и большое помещения жилища. Таким образом, помещение 1 на Пайпельгаке имеет четыре «теплых» стены и является самостоятельной, более обособленной от большого помещения постройкой.

Можно констатировать, что в конструкции пайпельгакских помещений использовано значительно большее количество плавникового дерева, чем в эквенском жилище Н-18. Это связано, прежде всего, с тем, что в районе поселения Пайпельгак, в отличие от поселения Эквен, и в настоящее время после штормов наблюдаются выносы значительного количества плавникового дерева. Для выяснения общей планировки жилища данных пока не хватает.

В результате работ экспедиции не только собрана одна из богатейших в мире коллекций эскимосских древностей, но и получены обширные сведения о погребальном обряде, конструкции и планировке жилищ Древней Чукотки, о материалах, из которых они были построены, а также о том, как использовалась территория, прилегавшая к жилым комплексам. Многочисленные изделия, обнаруженные в погребальных и жилых комплексах, существенно расширяют современные представления об охотничьем вооружении и орудиях труда древних эскимосов Чукотки, о технологиях, применявшихся ими для обработки камня, кости, дерева, о религиозных представлениях одного из самых самобытных народов Арктики.

Рис. 5. Поселение Наукан, каменные кладки цоколей стен яранг (1, 2)

Принципиальная конструкция древнеэскимосского жилища доживает на Чукотке до середины XX в., точнее до осени 1958 г., когда был закрыт пос. Наукан на мысе Дежнева²⁹. Пос. Наукан расположен на 50-метровой высоте над уровнем моря на восточной оконечности мыса Дежнева. Морские зверобои говорили здесь на особом диалекте эскимосского языка. В этом поселке, расцвет которого пришелся на XIX – первую половину XX в., наиболее полно отразились древние традиции всей высокой культуры эскимосских охотников на морского зверя. После трагических событий, связанных с насильственным закрытием в 1958 г. пос. Наукан, имеющего громадное сакральное значение для самосознания всего эскимосского этноса, сохранились остовы десятков жилых строений, продолжающих древние архитектурные традиции региона. Это едва ли не единственные на Чукотке, так полно сохранившиеся до наших дней, традиционные стационарные жилища эскимосов – оседлого коренного населения побережья Чукотского моря и Берингова пролива. Пос. Наукан и округлые яранги с каменными цоколями, кровлями из деревянных жердей и шкур моржа и коридорными выходами, ориентированными к морю, как бы олицетворяют «связь времен» – зримо объединяют современных эскимосов с их древними предками (рис. 5–6).

Начиналось строительство традиционного науканского дома с выравнивания площадки, как это делалось на поселениях Эквен и Пайпельгак. Для этого вертикально, поперечной ступенью подрезался склон. Затем площадка выравнивалась горизонтально и вдоль образовавшегося под склоном уступа глубиной 1–1,2 м складывалась обычно из двух рядов камней стена, высотой до уровня склона. Если места для площадки не хватало между уже стоящими домами, на склоне подсыпали из камней и грунта террасу, иногда довольно высокую, и тогда возводили каменную стену, удерживающую эту террасу на склоне. Горизонтальная площадка делилась на две примерно равные части, и посередине делалась ступенька высотой 20–25 см, которая укреплялась кладкой в один камень. Обычно стены складывались без прямых углов – яранги в плане были округлые или прямоугольные со скругленными углами. Укладывались каменные стены «всухую», но, видимо, щели между камнями закладывали мхом или дерном. Камни подбирались так, чтобы подогнать их как можно более плотно друг к другу. Между камнями в грунте, принесенном ветром, прорастала трава, корни которой забивали щели. В поперечнике эти дома от 4 до 6, редко более метров. Вертикальные опоры стен и кровли не вкапывались в пол, а были укреплены среди каменной кладки стен по периметру на расстоянии около 1,5 м друг от друга (рис. 6. 2). Стена, обращенная в сторону подъема, на запад, строилась глухой, а в стене противоположной, сооружался выход, обращенный в сторону моря, закрывающийся шкурой, а позднее дверью из дерева. Выход в виде короткого коридора длиной до двух метров, справа и слева прикрывали каменные стены, между которыми крепилось перекрытие коридора. Склон в Наукане – в сторону моря, на восток, поэтому все яранги одинаково ориентированы по сторонам света – обращены выходами на восток. Очень важно отметить, что во всех ярангах соблюдался один общий принцип устройства пола. Уровень пола понижался от задней стены, около которой устраивался спальня, через ступеньку в общее помещение, а уровень пола во входном

²⁹ Днепроvский 2016; Днепроvский, Лопатин 2016; Членов, Крупник 2016.

Рис. 6. Поселение Наукан, каменные кладки цоколей стен яранг (1, 2)

коридоре всегда был самым низким в жилище, часто имел еще одну ступеньку или просто плавно понижался наружу. Сам рельеф местности способствовал такому стандартному домостроительному приему. Поскольку нагретый воздух поднимается вверх, самое теплое место в яранге было в пологе у задней стены, а при входе в помещение тепла терялось меньше. Регулярной каменной или из иного материала вымостки пола яранги не прослеживается – внутренняя часть жилищ, как правило, задернована, и для выяснения характера настила на полу специальные исследования с расчисткой обитаемого уровня.

Деревянные детали рухнувших перекрытий и верхних частей стен сохранились только в 26 ярангах. Деревянные детали необитаемых яранг во время жизни поселка разбирались и использовались жителями немедленно. В конце существования поселка деревянные части из всегда ценимого в тундре материала могли частично вывозиться вместе с личными вещами жителей. Только поспешное оставление домов могло воспрепятствовать вывозу этих важнейших в строении деталей. Удлиненно-овальные в сечении шести, длиной до 4 м, на которых держалось покрытие из шкур моржа, шириной до 10 см и толщиной 4–5 см тщательно обструганы и даже шлифованы со всех сторон. Они слегка изогнуты и сужаются к обоим концам. Нередко шести ремонтировались – сохранились стянутые жестяными шинами на гвоздях экземпляры. Шести не просто складывались «шатром». О сложности конструкции кровли говорят отмеченные в двух домах такие детали перекрытия, как длинные шести округлого сечения толщиной 8–10 см в диаметре, с утолщениями на концах и выемкой на торце, как у древка эскимосской стрелы. Место такой детали в конструкции крыши еще предстоит выяснить. Перекрытие яранги служило относительно недолго и подлежало замене. Каркас должен был легко разбираться и собираться вновь, и соответствовать форме и размеру тяжелых шкур моржа. Детали каркаса кровли связывались между собой ремнями, а позднее соединениями из металлической проволоки. Покрышка прижималась к каркасу внешними перетяжками из проволоки с камнями на концах. Кровля подвергалась большим ветряным нагрузкам и каркас должен был быть слегка подвижным. Именно поэтому деревянные слуги тщательно обработаны – угловатые подвижные детали быстро перетирали бы покрытие в местах соприкосновения. В этом смысле кровля яранги походила конструкцией на эскимосскую байдару из дерева и кожи, которая слегка «подыгрывала волне».

Шатровая конструкция кровли науканских яранг, зафиксированная в фотографиях 20–30-х гг. XX в. (рис. 7. 1, 2), позволяет по-новому интерпретировать принцип строения кровли древнеберингоморских и бирнирских жилищ, исследованных нами на древнеэскимосских поселениях Эквен и Пайпельгак. Во время исследования эквенского жилища Н-18, было высказано предположение, что кровля была «тяжелой», состоящей из массивных лаг перекрытия из китовых костей и плавниковых бревен и перекрывалась дерновым слоем. Этому не противоречили и мощные столбы вдоль стен помещений жилища. Дерн, который, как предполагалось, рухнул на пол вместе с кровлей, был обнаружен на уровне пола. Однако слабым местом этой гипотезы было отсутствие достаточного количества длинных китовых костей – челюстей и ребер, или бревен, конструктивных деталей рухнувшей на уровень пола каркаса тяжелой кровли, перекрытой дерном. Предполагалось, что после обрушения деревянные детали кровли разбирались

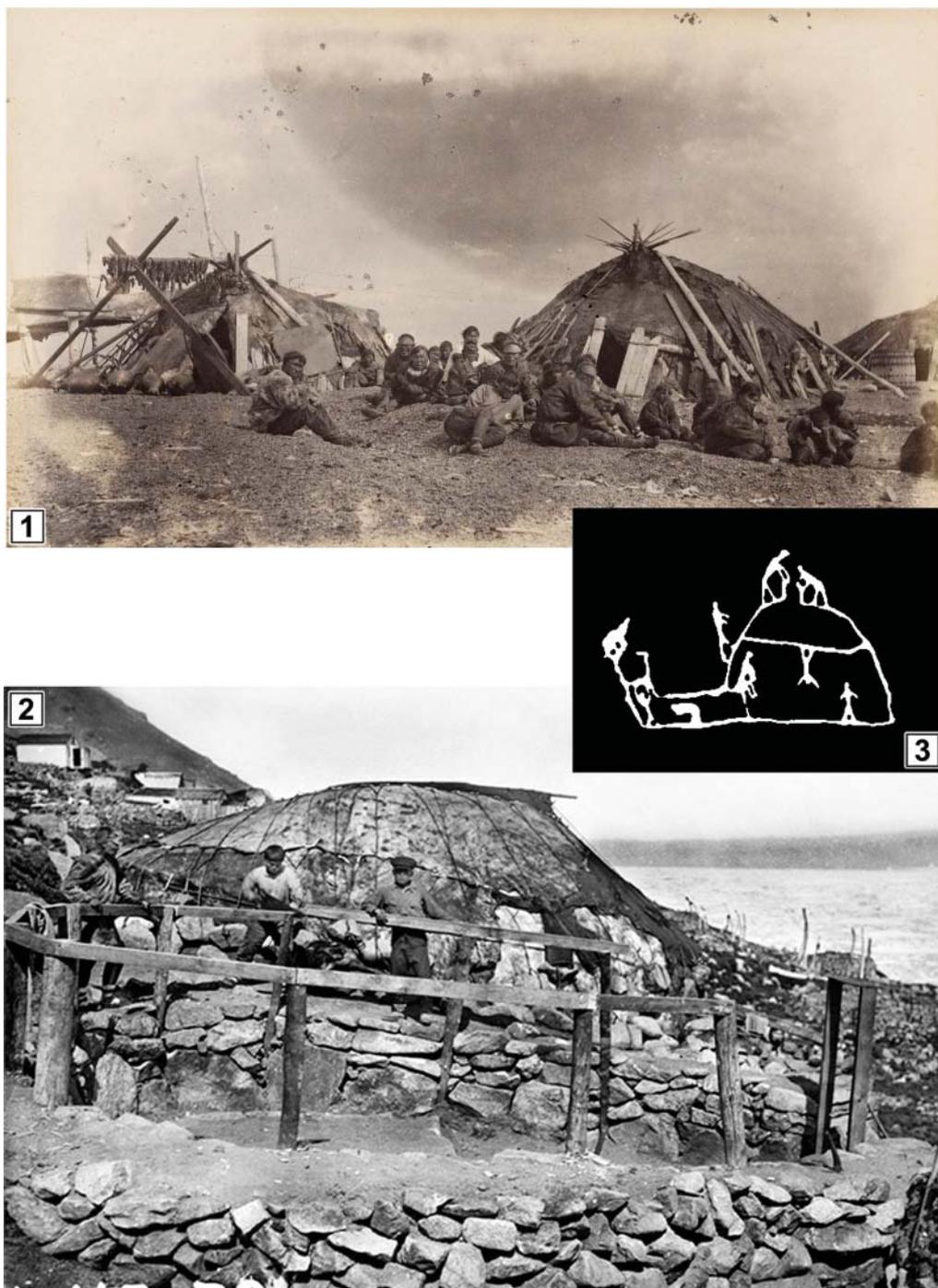

Рис. 7. 1, 2 – поселение Наукан, яранги с кожаными шатровыми перекрытиями на деревянном каркасе (фото 20-х гг. XIX в.); 3 – фрагмент с жилищем, показанным сбоку; изображения на тюленьей шкуре по Гильдебранду, XVIII в. (по С.В. Иванову, рис. 28)

для строительства других домов. Если представить в основе конструкции перекрытий эквенских и пайпельгакских жилищ I тыс. н.э. наличие легких деревянных жердей, на которых лежала крышка из шкур, то все становится на свои места. Вертикальные столбы из дерева и костей кита, которые стояли вдоль стен по периметру помещений, не были опорами кровли. Они являлись каркасом стен, как и в ярангах Наукана. К ним крепились деревянные относительно тонкие слуги, несущие шатровую кровлю из шкур. Отсутствие достаточного количества этих слег или жердей на полу древних помещений легко объясняется тем, что ценный и легко переносимый материал, после оставления жилища, конечно же, сразу использовался в новых конструкциях. В подтверждение этого, в пустующих, не обитаемых жилищах Наукана во время жизни поселка каркаса кровли не оставалось. Интересно отметить, что количество яранг со значительным количеством кровельных деревянных деталей, лежащих после обрушения перекрытий на полу, не совпадает с количеством населенных яранг перед закрытием Наукана и переселением жителей в 1958 г. Это может означать, что часть деревянных шестов была вывезена заранее вместе с жителями.

В целом, науканские яранги имеют абсолютно традиционную конструкцию и принципиально мало чем отличаются от жилищ, в которых жили их предки в древнеберингоморское и бирнирское время, в I тыс. На Чукотке наиболее полно древние жилые сооружения исследованы на поселениях Эквен и Пайпельгак³⁰ и сравнение науканских жилищ с ними представляется наиболее корректным. Если не брать в расчет такие «современные» детали в Наукане, как использование досок для наращивания верхних частей стен, использование металлических и кирпичных печек, сооружение дверей с деревянными коробками и дверей с петлями, применение железных гвоздей и других металлических деталей, то сходства в принципиальных конструкциях домов очевидны. Науканские жилища, так же, как и древние, строились всегда на поверхности и не заглублялись в землю. Для строительства домов применялся тот же материал – камни, кости китов и плавниковое дерево с учетом локальных особенностей: в районе Эквена деревья выносятся на берег мало, поэтому деревянные опоры заменялись столбами из челюстных костей кита, обилием камня в районе Пайпельгака и Наукана было обусловлено приоритетное использование этого материала. Дома сооружались на склонах с предварительным выравниванием строительных площадок. Коридорные выходы всегда направлены в сторону склона (следовательно, в сторону моря), и уровень пола понижается от спальной платформы к выходу, что было очень важно для применявшегося в домостроительстве еще с древнеберингоморского времени принципа энергосбережения и распределения нагретого воздуха в помещении. Сходны планировки жилищ, их размеры, принципиальная конструкция цоколей стен из камня или дерева, легкие кровли из шкур на деревянном каркасе. Следует отметить и некоторые серьезные отличия науканских построек от жилищ бирнирского времени в Эквене и Пайпельгаке: в Наукане нет двухкамерных строений, примыкающих друг к другу (Эквен) или соединенных крытым коридором с каменной вымосткой пола и опорами кровли из костей кита (Пайпельгак). Возможно это объясняется крутизной склона, на котором строились жилища. Древнеберингоморские небольшие жилища на Пайпельгаке строились для сезонной

³⁰ Бронштейн, Днепровский 2001; Dneprovskiy 2006.

охоты и не были предназначены для проживания целой семьи, как в Наукане. Ни в одной науканской яранге с сохранившимися деревянными деталями не зафиксирован установленный в центре столб или его основание, вкопанное в пол помещения, но в большем помещении эквенского жилища Н-18 в центре стояла опора из крупной челюстной кости кита.

В ходе работ экспедиции ИА РАН³¹ на памятнике федерального значения «Петроглифы Пегтымеля» – единственном в азиатской части России местонахождение наскального искусства, расположенном за Полярным кругом – в числе ранее неизвестных сюжетов петроглифов (в 1960-х петроглифы были обследованы и затем опубликованы Н.Н. Диковым³², позднее сведения о нем были дополнены благодаря усилиям других специалистов³³) были выявлены изображения конструкции, сделанной, по всей видимости, из костей кита. Это жилое двухкамерное сооружение (рис. 8. 1) и, вероятно, уникальное изображение конструкции, которую можно интерпретировать как жилище, показанное в плане, представлено на одном из отдельно лежащих камней подтреугольной формы (рис. 8. 2; 9). Этот камень находится в верхней трети скопления IV – в основной части концентрации изображений на Кайкуульском обрыве – и был сильно покрыт мхом и лишайником, прикрыт ветками кустарника, присыпан оползнем. При расчистке на двух смежных гранях были выявлены повествовательные изобразительные сцены. На основной, большей по размеру плоскости и локализуется изображение показанного в плане жилища, состоящего из округлого в плане помещения и примыкающего к нему коридора подпрямоугольной формы или другого помещения. В оба объема вписаны схематичные антропоморфные фигуры, если принять соотношение размеров как близкое к реальным, то можно высказать предположение, что камеры жилищ были малы. Но изобразительному материалу трудно дать столь однозначную оценку. Если принять версию, что это жилище, то возможны два варианта интерпретации петроглифа – как изображение двухкамерного малого жилища, возможно сезонного, охотничьего, а не предназначенного для большой семьи. Конструктивно оно сходно с описанным древнеберингоморским небольшим жилищем на Пайпельгаке, предназначенном для сезонной охоты.

Следует отметить, что в целом в изобразительных материалах народов Сибири и Дальнего Востока встречается изображение жилищ и других хозяйственных конструкций (загонов и пр.), показанных как в профиль, так и в плане³⁴. Интересно изображение прибрежного поселка (зарисовка, выполненная Н.В. Кочешковым)³⁵. В сложной жанровой сцене разворачивается действие «на суше и на море» – показан ряд жилищ, сцена охоты на кита, его транспортировки и др. Жилища изображены сбоку, представлены их конструктивные особенности (рис. 10. 1). Не меньшей детальностью характеризуются изображения на тюленьих шкурах – в сложных повествовательных сценах жизни прибрежных селений представлено и жилище (рис. 7. 3), оно аналогично описанному В.Г. Богоразом – с основным помещением и коридором, двумя входами³⁶.

³¹ Devlet 2008; 2012; Дэвлет 2012; 2014; 2015.

³² Диков 1969; 1971; 1992; Dikov 1999.

³³ Головнев 2000; Питулько 2002, Слободзян 2004; Петроглифы Пегтымеля 2007.

³⁴ Дэвлет 2006.

³⁵ Иванов 1954.

³⁶ Иванов 1954, рис. 28.

Рис. 8. Пегтымель. 1 – фрагмент панорамы Кайкуульского обрыва со скоплениями петроглифов. Значками обозначены плоскость в скоплении 1 (справа) и камень в скоплении 4 (слева); 2 – плоскость камня из скопления 4 с изображением жилища, показанного в плане

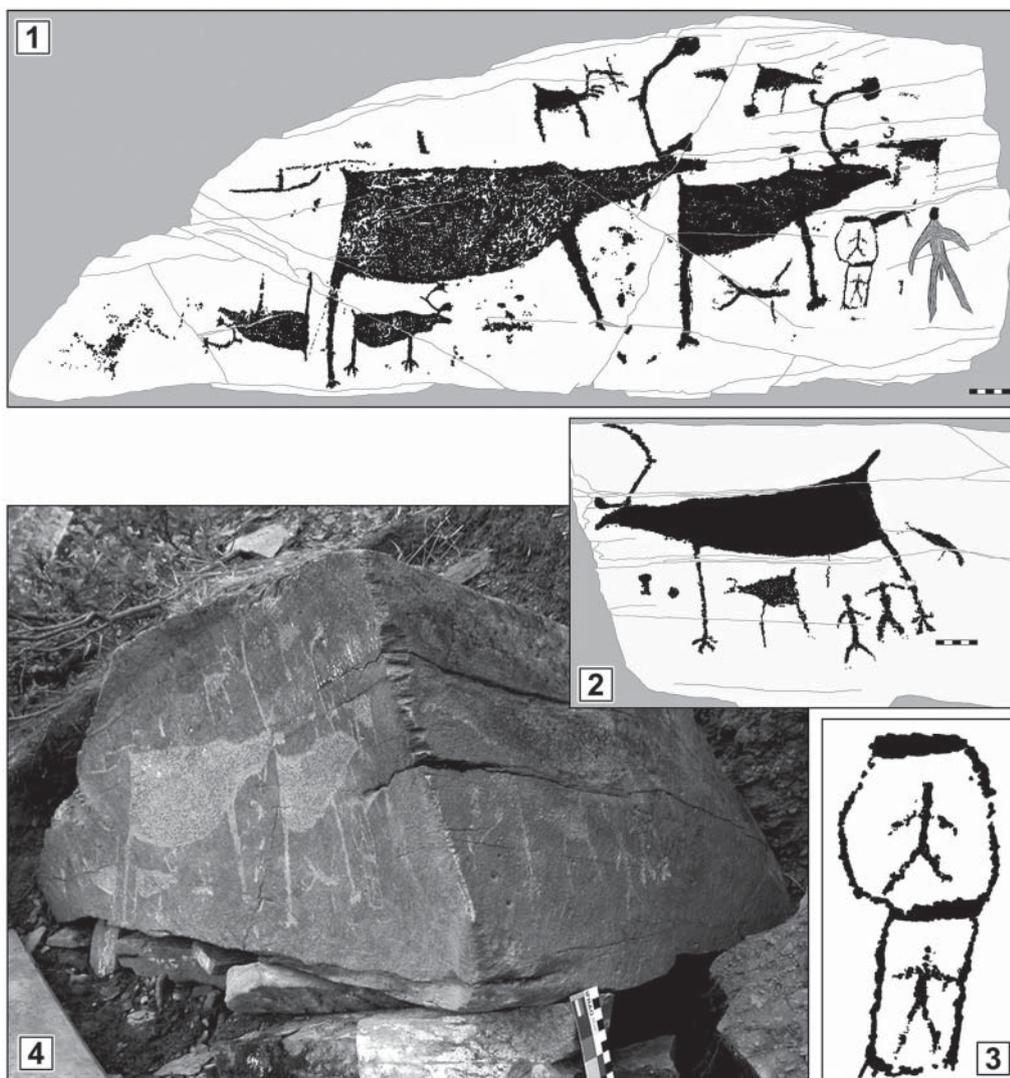

Рис. 9. Пегтымель. Камень из скопления 4 с петроглифами на двух гранях (1–4), среди них – изображение жилища, показанное в плане

В.Г Богораз указывает, что в «чукотских и эскимосских селеньях, расположенных на Тихоокеанском берегу, можно найти руины так называемых челюстных домов (wa'lkar, мн.ч. wa'lkarat). Эти руины, вероятно, очень древнего происхождения и представляют из себя либо круглые ямы, либо плоские насыпи с несколькими выдающимися стропилами и балками из китовой кости. В некоторых селениях, например, Энмыльын, обитатели уже успели забыть о точном расположении руин, так как селения с того времени неоднократно переносились. В Эунмыне и Вутээнне подземные жилища, видневшиеся на плоском, песчаном

морском берегу, постепенно разрушились под воздействием атмосферы и рассыпались на мелкие части вместе с рядами камней, на которых они стояли. Но в некоторых местах, например в поселке Чечин и на мысе Чаплина, они сохранились рядом с существующими жилищами, и в начале XX в. жители еще помнили, каким семействам принадлежала большая часть этих развалин. Вероятно, эти подземные жилища вышли из употребления поколения четыре тому назад. Хупер, путешествовавший в 1848 г., видел уже современные ему типы жилищ, а подземные жилища – в полуразвалившемся состоянии. Подземные жилища (wa'kag) приморских чукоч и эскимосов имеют остов из челюстных костей. Кости эти поставлены стоймя на некотором расстоянии друг от друга. Удерживаются они землей и камнями. В некоторых случаях наблюдается до 16 таких костяных опор, образующих правильный круг. Большие куски челюстных костей и китовые реберные кости накладываются в качестве стропил, и между ними вставляются такие же куски для того, чтобы сделать все строение более плотным. Пол, по крайней мере средняя часть его, выстилается гладкими кусками кости. Затем все сооружение покрывается дерном, толстый слой земли насыпается вокруг основания. Часто подземное жилище wa'kag – просто яма, покрытая земляной крышей, и только кровля возвышается над поверхностью. Такая постройка имеет вид холмика с человеческим жилищем внутри. Из сохранившихся в начале XX столетия развалин подземных жилищ можно видеть, что здесь, подобно подземным жилищам других племен, имелось два входа. Один вход зимний, в виде длинного подземного прохода. В летнее время, при оттаивании грунта, он наполняется водой, но так как уровень его ниже уровня жилого помещения, то вода не попадает в жилое помещение. Другой вход в верхней части стены имеет вид круглого отверстия, закрываемого при помощи плечевой кости кита, – это летний вход, на зиму он забивается травой и плотно закрывается крышкой и камнями. ... Подземные дома строились с помощью всех соседей и укреплялись и расширялись в течение многих последующих лет. Они переходили от поколения к поколению, пока, наконец, скопление грязи и вони не изгоняло из него обитателей. По сообщениям туземцев, губительное влияние этих жилищ на здоровье послужило главной причиной того, что население оставило их навсегда и стало употреблять яранги, крытые шкурами. Туземцы селения Чибукан на острове Св. Лаврентия, усвоившие азиатский тип жилища в других частях острова, которыми они пользуются в зимнее время при своих морских экспедициях»³⁷.

Этнографические изобразительные аналогии петроглифам представлены довольно обширно, но наибольший интерес представляет собой нарисованное на весле изображение приморского жилого поселка, относящееся предположительно к началу XX в., а также изображение на шкуре, где изображение стационарного жилища с коридором представлено также в профиль, но более выразительно показаны его конструктивные особенности, в частности, второй вход в верхней части сооружения.

В петроглифах Пегтымеля также выявлены необычные знаки, которые предположительно можно интерпретировать как изображения наземных жилищ (рис. 10. 2). Вместе с показанным в плане двухкамерным изображением жилища в 4

³⁷ Богораз 1991.

Рис. 10. 1 – Изображения на весле, начало XX в. (по С.В. Иванову, рис. 9. 1 – из колл. И.П. Лаврова, МАЭ); 2 – Пегтымель, плоскость из скопления 1 с изображением жилищ, показанных сбоку

скоплении Пегтымеля это, по-видимому, те немногие примеры петроглифов, изображающих конструкции бытового назначения, элементы преобразования ландшафта. Анализ сюжетов петроглифов Пегтымеля показывает, что на удаленном от побережья памятнике (расстояние от морского побережья составляет около 40 км) представлены как картины быта обитателей тундры, так и связанные с примор-

ским типом адаптации – сцены охоты на морского зверя и пр. Как и в современной мелкой пластике, тема тундры и моря неразрывно переплелась в искусстве петроглифов.

Форма кровли является самой характерной чертой в облике древнеэскимосского жилища. При общей лаконичности и вытекающей из этого необыкновенной точности сюжетных изображений на предметах обихода этнографического времени и знаменитых петроглифах Пегтымеля у древнего художника просто не было выбора. Изображая жилища морских зверобоев, он должен был предельно точно передать именно форму кровли. По крайней мере все дошедшие до нас изображения домов позволяют однозначно утверждать, что стационарные жилища были наземными и имели легкую шатровую кровлю из деревянных жердей и шкур животных. Археологические данные подтверждают это. Все полностью исследованные жилища древних эскимосов на Чукотке были сооружены на поверхности. Возведенные на склонах и чаще всего под склонами, такие постройки быстро разрушались и заносились смытым сверху почвенным материалом. Уже В.Г. Богораз, воспринимал жилища-нынлю как подземные или полуподземные сооружения. Жесткие дерновые кровли на горизонтальных лагах из костей и дерева иногда могли сооружаться над небольшими элементами построек – коридорными выходами. Перекрытие крупных объемов такой кровлей потребовало бы большого количества вертикальных опор не только вдоль стен, но и внутри помещения. Строительство же жилищ, заглубленных в землю, в условиях вечной мерзлоты не целесообразно и обычно не производилось.

Значение исследований на древнеэскимосских памятниках Чукотки для первобытной археологии в целом трудно переоценить. Несмотря на то что самые ранние слои поселений Эквен и Пайпельгак относятся к первым векам н.э., экономика, строительные приемы, культура и верования, а также климатические условия, в которых существовала древнеэскимосская культура, более всего сходны, как отмечали многие исследователи, с палеолитическими культурами ойкумены. В климате, сходном с климатом ледникового периода, создана культура, в основе жизни которой лежала коллективная охота на крупного зверя – кита и моржа. Природные условия арктической безлесной тундры вынуждали людей, так же, как и период оледенения, строить жилища из костей крупных животных, отапливаться жиром и костями этих животных. Конечно, каменные и костяные орудия древних эскимосов, адаптированные к морскому зверобойному промыслу, были совершеннее палеолитических, и они умели делать керамическую посуду, но в целом уровень развития культуры не выходит за рамки каменного века.

Древние морские зверобой Арктики всего 2 тыс. л.н. существовали в практически одинаковых природных и климатических условиях с палеолитическими охотниками на мамонтов приледниковой зоны Евразии. Принципиальные экономические законы развития древнего общества охотников на китов и на мамонтов идентичны. Огромные пищевые запасы океана предоставили обитателям в Арктике уникальный шанс благополучно существовать на протяжении длительного времени без глобальных изменений экономического уклада. Присваивающее охотничье хозяйство базировалось на каменных и костяных орудиях труда, и прогресс выражался в совершенствовании орудий охоты, а не в переходе к другим видам хозяйства. Древние эскимосы наряду с более совершенными неолитиче-

скими приемами обработки каменных орудий сохранили некоторые технологические элементы обработки камня, присущие древнему палеолиту. Изучение бытовых памятников эскимосов Берингова пролива и побережья Ледовитого океана, которые в значительной степени сохранили палеолитические черты, дает новую информацию для воссоздания ключевых характеристик культуры древних палеолитических племен Старого и Нового Света. Использовать кости крупных животных для строительства жилья люди начали именно в палеолите. Благодаря тому, что арктические сооружения значительно лучше сохранились, можно более полно воссоздать палеолитическую архитектуру. Бытовые предметы, изготовленные из таких органических материалов, как дерево, кость, олений рог, моржовый клык, кожа, китовый ус и т.д., могут сохраниться только в условиях вечной мерзлоты, и, конечно, на их состоянии сказывается и то, что они значительно моложе палеолитических. Специалистам, работающим в Арктике, по сути, предоставляется возможность изучать каменный век при уникальном для этой эпохи состоянии археологического источника.

ЛИТЕРАТУРА

- Береговая, Н.А. 1954: Археологические находки на острове Четырехстолбовом. *СА XX*, 288–312.
- Богораз, В.Г. 1934: *Чукчи*. Т. 1. Л.
- Богораз, В.Г. 1991: *Материальная культура чукчей*. М.
- Бронштейн, М.М., Днепровский, К.А. 2001: Жилище морских зверобоев древней Чукотки. В сб.: *Альманах «Памятники культуры. Новые открытия 2000*. М., 587–619.
- Бронштейн, М.М., Днепровский, К.А., Сухорукова, Е.С. 2007: *Мир арктических зверобоев: Шаги в неизвестное. Каталог выставки*. М.–Анадырь.
- Головнев, А.В. 2000: Пространственный анализ петроглифов Пегтымеля (по полевым наблюдениям 1999 г.). В сб.: *Интеграция археологических и этнографических исследований*. Владивосток–Омск, 185–188.
- Гусев, С.В. 1995а: Новые материалы по истории древнеберингоморских культур. В сб.: *Интеграция археологических и этнографических исследований: материалы III Всероссийского научного семинара, посвященного 110-летию со дня рождения С.И. Руденко*. Омск, 56–60.
- Гусев, С.В. 1995б: Раскопки поселения Канискак на Азиатском берегу Берингова пролива. *Археологические вести* 4, 25–32.
- Гусев, С.В. 2001: Радиоуглеродные даты и хронология памятников восточной Чукотки. В сб.: *Диковские чтения: материалы научно-практической конференции, посвященной 75-летию со дня рождения чл.-корр. РАН Н.Н. Дикова*. Магадан, 19–21.
- Гусев, С.В., Жилин, М.Г. 2000: Технология обработки кости в культурах морских зверобоев Берингова пролива. В сб.: *Вперед в прошлое: К 70-летию Ж.В. Андреевой*. Владивосток, 195–210.
- Давыдов, Г.И. 1810: *Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова*. СПб.
- Диков, Н.Н. 1969: Проблема этнической принадлежности пегтымельских петроглифов. В сб.: *Этногенез народов Северной Азии: материалы конференции*. Вып. 1. Новосибирск, 67–80.
- Диков, Н.Н. 1971: *Наскальные загадки древней Чукотки. Петроглифы Пегтымеля*. М.
- Диков, Н.Н. 1992: Пегтымельские петроглифы – уникальный археологический памятник Заполярной Чукотки. В сб.: *Наскальные рисунки Евразии*. Новосибирск, 44–49.

- Днепровский, К.А. 2001: *Динамика древнеэскимосской культуры Чукотки в эпоху бирнирка и раннего пуука*: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Днепровский, К.А. 2007: Древнеэскимосские жилища. В сб.: *Альманах «Чукотка в прошлом и настоящем. Наследие народов Российской Федерации»*. М., 238–256.
- Днепровский, К.А., Лопатин, Н.В. 2012: Методика исследования поселений в условиях вечной мерзлоты (по материалам древнеэскимосских памятников Чукотки Эквена и Пайпельгака). В сб.: *Вехи на мысах. К 80-летию С.А. Арутюнова*. М.
- Днепровский, К.А. 2016: Наукан: современное состояние уникального памятника истории и культуры Чукотки. В сб.: *Спассти и сохранить: Культурное наследие Чукотки: проблемы и перспективы сохранения: материалы научно-практической конференции*. 1. М.–Анадырь, 22–38.
- Днепровский, К.А., Лопатин, Н.В. 2016: Археологические находки на территории Наукана. В сб.: *Спассти и сохранить: Культурное наследие Чукотки: проблемы и перспективы сохранения: материалы научно-практической конференции*. 1. М.–Анадырь, 82–96.
- Дэвлет, Е.Г. 2012: Об изображениях северных оленей в наскальном искусстве Чукотки. *ПИФК* 1 (35), 153–157.
- Дэвлет, Е.Г. 2014: К вопросу о технико-технологических особенностях петроглифов Пегтымеля. *РА* 3, 66–78.
- Дэвлет, Е.Г. 2015: О некоторых сюжетах и образах петроглифов Пегтымеля. В сб.: А.П. Деревянко, В.А. Тишков (ред.), *Традиции и инновации в истории и культуре: программа фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре»*. М., 160–165, 580–592.
- Дэвлет, М.А. 2006: Древние жилища народов Северной и Центральной Азии (по материалам петроглифов). В сб.: *Миропонимание древних и традиционных обществ Евразии. Памяти В.Н. Чернецова*. М., 212–238.
- Загорюлько, А.В. 1999: Планировка эскимосских жилищ зоны Берингова пролива: этноархеологические аспекты. В сб.: *Интеграция археологических и этнографических исследований*. М., 195–199.
- Иванов, С.В. 1954: Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX в. *Труды Института этнографии. Нов. сер.* 22. М.–Л.
- Окладников, А.П., Береговая, Н.А. 1971: *Древние поселения Баранова мыса*. Новосибирск.
- Питулько, В.В. 2002: Пегтымельские петроглифы: датировка и события. В сб.: *II Диковные чтения: материалы научно-практической конференции, посвященные 70-летию Дальстроя*. Магадан, 408–415.
- Раушенбах, В.М. 1969: *Новые находки на Четырехстолбовом острове*. М.
- Руденко, С.И. 1947: *Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема*. М.
- Слободзян, М.Б. 2004: Петроглифы Пегтымеля (по результатам исследований последних лет). В сб.: *Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии*. Барнаул, 467–470.
- Петроглифы Пегтымеля*. 2007. СПб.
- Членов, М.А., Крупник, И.И. 2016: Наукан: главы к истории. В сб.: *Спассти и сохранить: Культурное наследие Чукотки: проблемы и перспективы сохранения: материалы научно-практической конференции*. 1. М.–Анадырь, 38–74.
- Blumer, R., Csonka, Y. 1997: Archaeology of Asian Shore of Bering Strate. In: *Swiss-Leichtenstein Foundation for Archaeological Research Abroad, Jahresbericht*, 83–130.
- Collins, H.B. 1937: *Archaeological excavations at Bering Strait*. Washington.
- Devlet, E. 2008: Rock Art Studies in Northern Russia and the Far East. *Rock Art Studies. News of the World*. III. 120–137.
- Devlet, E. 2012: Rock art studies in Northern Russia and the Far East. *Rock Art Studies. News of the World*. IV. 124–148.

- Dikov, N.N. 1999: *Mysteries in the Rocks of Ancient Chukotka (Petroglyphs of Pegtymel')*. Anchorage.
- Dneprovskiy, K.A. 2002: Ekven House H-18: A Birnirk- and Early Punuk- Period Site in Chukotka. In: E.D. Dumond, R.L. Bland (eds.), *Archaeology in the Bering Strait Region. Research of two continents. University of Oregon Anthropological Papers* 59, 166–207.
- Dneprovskiy, K. 2006: A Late Birnirk House at Paipelghak in Northern Chukotka: A preliminary Report Based on the Excavation from 2002–2004. *Alaska Journal of Anthropology* 1-2, 34–54.
- Ford, J. 1959: *Eskimo prehistory in the vicinity of point Barrow, Alaska*. New York.
- Gerlach, S.C., Mason, O.K. 1992: Calibrated radiocarbon dates and cultural interaction in the Western Arctic. *Arctic Anthropology* 29 (1), 54–81.
- Giddings, J.L., Anderson, D.D. 1986: *Beach ridge archaeology of cape Krusenstern*. Washington.
- Larsen, H., Rainey, Fr. 1948: Ipiutak and the Arctic Whale hunting Culture. *Anthropological papers of the American Museum of Natural History* 42.
- Mason, A. 1930: Excavations of Eskimo Thule Culture Sites at Point Barrow. Alaska. In: 23th *International Congress of Americanists*. New York, 383–394.
- Moulin, B., Csonka, Y. 2002: The Erosion Front at Ekven: a Stratigraphic and Geoarchaeological Approach. In: E.D. Dumond, R.L. Bland (eds.), *Archaeology in the Bering Strait Region. Research of two continents. University of Oregon Anthropological Papers* 59, 227–261.
- Ray, P.H. 1884: *Report of international Polar expedition to point Barrow, Alaska. In response to the resolution of the House of Representatives of December 11*. Washington.
- Stanford, D. 1976: The Walakpa Site, Alaska: its place in the birnirk and Thule Cultures. *Smithsonian contribution to anthropology* 20. Washington.
- Stuiver, M., Braziunas, T.F. 1993: Modeling atmospheric 14C influences and 14C ages of marine samples to 10,000 BC. *Radiocarbon* 35 (1), 137–189.

REFERENCES

- Beregovaya, N.A. 1954: Arkheologicheskiye nakhodki na ostrove Chetyrehstolbovom [Archaeological finds on the Island of Four Pillars]. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]* XX, 288–312.
- Blumer, R., Csonka, Y. 1997: Archaeology of Asian Shore of Bering Strate. In: *Swiss-Leichtenstein Foundation for Archaeological Research Abroad, Jahresbericht*, 83–130.
- Bogoraz, V.G. 1934: *Chukchi [Chukchi]*. Vol. 1. Leningrad.
- Bogoraz, V.G. 1991: *Materialnaya kultura chukchey [The Chukcha Material Culture]*. Moscow.
- Bronshiteyn, M.M., Dneprovskiy, K.A. 2001: Zhilische morskikh zveroboev drevney Chukotki [Dwellings of Marine Mammals Hunters of Ancient Chukotka]. In: *Almanakh «Pamyatniki kultury. Novye otkryitiya 2000» [Almanac «Sites of culture. New findings, 2000»]*. Moscow, 587–619.
- Bronshiteyn, M.M., Dneprovskiy, K.A., Suhorukova, E.S. 2007: *Mir arkticheskikh zveroboev: Shagi v nepoznannoe. Katalog vystavki [World of Ancient Maritime Hunters Step into Unknown. Exhibition's Catalogue]*. Moscow–Anadyr.
- Chlenov, M.A., Krupnik, I.I. 2016. Naukan: glavy k istorii [Naukan: Chapters to community history]. In: *Spasti i sokhranit: Kulturnoe nasledie Chukotki: problemy i perspektivy sokhraneniya: materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii. 1 [Safeguard and Ensure: Cultural Heritage of Chukotka: Problems and prospects of Conservation: materials of the scientific conference I]*. Moscow–Anadyr, 38–74.
- Collins, H.B. 1937: *Archaeological excavations at Bering Strait*. Washington.

- Davydov, G.I. 1810: *Dvukratnoye puteshestviye v Ameriku morskikh ofitserov Khvostova i Davydova* [A Double Travel to America by Tmarine Offecers Khvostov and Davidov]. Saint-Petersburg.
- Devlet, E. 2008: Rock Art Studies in Northern Russia and the Far East. *Rock Art Studies. News of the World* III, 120–137.
- Devlet, E. 2012: Rock art studies in Northern Russia and the Far East. *Rock Art Studies. News of the World* IV, 124–148.
- Devlet, E.G. 2012: Ob izobrazheniyakh severnykh oleney v naskalnom iskusstve Chukotki [On images of northern deer in rock art of Chukotka]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 1 (35), 153–157.
- Devlet, E.G. 2014: K voprosu o tekhniko-tekhnologicheskikh osobennostyakh petroglifov Pegtymelya [On the Issue of Technique and Technological Aspects of Petroglyphs of Pegtymel]. *Rossiyskaya arkhеologiya* [Russian Archaeology] 3, 66–78.
- Devlet, E.G. 2015: O nekotorykh syuzhetakh i obrazakh petroglifov Pegtymelya [On Several Narratives and Imagery of Petroglyphs of Pegtymel] In: A.P. Derevyanko, V.A. Tishkov (eds.), *Traditsii i innovatsii v istorii i kulture: programma fundamentalnykh issledovaniy Prezidiuma RAN «Traditsii i innovatsii v istorii i kulture»* [Tradition and Innovation in History and Culture: the Programm of Fundamental Studies of the RAS Persidium «Tradition and Innovation in History and Culture»]. Moscow, 160–165, 580–592.
- Devlet, M.A. 2006: Drevniye zhilishcha narodov Severnoy i Tsentralnoy Azii (po materialam petroglifov) [Ancient Dwellings of the Natives of Northern and Central Asia (on Petroglyph Materials)]. In: *Miroponimaniye drevnikh i traditsionnykh obshchestv Evrazii. Pamyati V.N. Chernetsova* [The Understanding of the World of the Ancient and Traditional Societies of Eurasia. In Memoriam of V.N. Chernetsov]. Moscow, 212–238.
- Dikov, N.N. 1969: Problema etnicheskoy prinadlezhnosti pegtymelskikh petroglifov [The Problem of Ethnicity of the Pegtymel Petroglyphs]. In: *Etnogenez narodov Severnoy Azii: materialy konferentsii Vyp. 1* [Ethnogenesis of the Natives of Central Asia: Materials of the Conference. Vol. 1]. Novosibirsk, 67–80.
- Dikov, N.N. 1971: *Naskalnye zagadki drevney Chukotki. Petroglify Pegtymelya* [Ancient Mysteries of Ancient Chukotka. Petroglyphs of Pegtymel]. Moscow.
- Dikov, N.N. 1992: Pegtymelskiye petroglify – unikalnyy arkhеologicheskii pamyatnik Zapolyarnoy Chukotki [The Pegtymel petroglyphs – a unique archaeological site of the Arctic Chukotka]. In: *Naskalnye risunki Evrazii* [Rock Art of Eurasia]. Novosibirsk, 44–49.
- Dikov, N.N. 1999: *Mysteries in the Rocks of Ancient Chukotka (Petroglyphs of Pegtymel)*. Anchorage.
- Dneprovskiy, K.A. 2001: *Dinamika drevneeskimoskoy kultury Chukotki v epokhu birnirka i rannego punuka: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Development of Ancient Eskimo Culture of Chukotka in Birnirk and Early Punuk Time: Authors Abstract for the Dissertation of a PhD]. Moscow.
- Dneprovskiy, K.A. 2002: Ekven House H-18: A Birnirk- and Early Punuk- Period Site in Chukotka. In: E.D. Dumond, R.L. Bland (eds.), *Archaeology in the Bering Strait Region. Research of two continents. University of Oregon Anthropological Papers* 59, 166–207.
- Dneprovskiy, K. 2006: A Late Birnirk House at Paipelghak in Northern Chukotka: A preliminary Report Based on the Excavation from 2002–2004. *Alaska Journal of Anthropology* 1–2, 34–54.
- Dneprovskiy, K.A. 2007: Drevneeskimoskie zhilisha [Dwellings of Ancient Escimo]. In: *Almanakh «Chukotka v proshlom i nastoyaschem. Nasledie narodov Rossiyskoy Federatsii»* [Almanac «Chukotka in the Past and the Present. The Heritage of Native Peoples of the Russian Federation»]. Moscow, 238–256.

- Dneprovskiy, K.A. 2012: Metodika issledovaniya poseleniy v usloviyakh vechnoy merzloty (po materialam drevneeskimoskikh pamyatnikov Chukotki Ekvena i Paypelgaka) [Methodology of Surveying Archaeological Sites in the Permafrost Conditions (based upon the Ekven and Paypelghak ancient Eskimosites in Chukotka)]. In: *Vekhi na mysakh. K 80-letiyu S.A. Arutyunova [Landmarks on the capes. Papers in Honor of Sergei A. Arutunov on his 80th Birthday]*. Moscow.
- Dneprovskiy, K.A. 2016: Naukan: sovremennoe sostoyanie unikalnogo pamyatnika istorii i kultury Chukotki [Naukan: Chukotka's unique cultural and historical monument]. In: *Spasti i sokhranit: Kulturnoe nasledie Chukotki: problemy i perspektivy sokhraneniya: materialy nauchnoy prakticheskoy konferentsii 1 [Safeguard and ensure: Cultural Heritage of Chukotka: Problems and Prospects of Conservation: Materials of the Scientific Conference 1]*. Moscow–Anadyr, 22–38.
- Dneprovskiy, K.A., Lopatin, N.V. 2016: Arkheologicheskie nakhodki na territorii Naukana [Archaeological Findings from the Naukan Village Site]. In: *Spasti i sokhranit: Kulturnoe nasledie Chukotki: problem i perspektivy sokhraneniya: materialy nauchnoy prakticheskoy konferentsii 1 [Safeguard and ensure: Cultural Heritage of Chukotka: Problems and Prospects of Conservation: Materials of the Scientific Conference 1]*. Moscow–Anadyr, 82–96.
- Ford, J. 1959: *Eskimo prehistory in the vicinity of point Barrow, Alaska*. New York.
- Gerlach, S.C., Mason, O.K. 1992: Calibrated radiocarbon dates and cultural interaction in the Western Arctic. *Arctic Anthropology* 29 (1), 54–81.
- Giddings, J.L., Anderson, D.D. 1986: *Beach ridge archaeology of cape Krusenstern*. Washington.
- Golovnev, A.V. 2000: Prostranstvennyy analiz petroglifov Pegtymelya (po polevym nablyudeniya 1999 g.) [Spatial Analysis of the Petroglyphs of Pegtymel (Based on Field Study in 1999)]. In: *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy [Integration of Archaeological and Ethnographic Studies]*. Vladivostok–Omsk, 185–188.
- Gusev, S.V. 1995a: Novyye materialy po istorii drevneberingomorskikh kultur [New Materials on the History of Ancient Beringia Cultures]. In: *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy: mat-ly III Vseros. nauch. seminara, posv. 110-letiyu so dnya rozhdeniya S.I. Rudenko [Integration of Archaeological and Ethnographic Studies: Materials of the 3rd All-Russian Scientific Seminar Dedicated to the 110 Anniversary of S.I. Rudenko's Birthday]*. Omsk, 56–60.
- Gusev, S.V. 1995b: Raskopki poseleniya Kaniskak na Aziatskom beregu Beringova proliva [Excavations of the Kanisak Asettlement on the Asian Shore of the Bering Strait]. *Arkheologicheskiye vesti [Archeological Notices]* 4, 25–32.
- Gusev, S.V. 2001: Radiouglerodnyye daty i khronologiya pamyatnikov vostochnoy Chukotki [Radiocarbon dates and the chronology of the sites of Eastern Chukotka]. In: *Dikovskiyecheniya: mat-ly nauch.-prakt. konf., posv. 75-letiyu so dnya rozhdeniya chl.-korr. RAN N.N. Dikova [The Dikov Readings: Materials of the Scientific Conference Dedicated to the 75-th Anniversary of N.N. Dikov's Birthday]*. Magadan, 19–21.
- Gusev, S.V., Zhilin, M.G. 2000: Tekhnologiya obrabotki kosti v kulturakh morskikh zveroboyev Beringova proliva [Technology of Processing of Bones in Cultures of Sea Mammal Hunters of the Bering Strait]. In: *Vpered v proshloye: K 70-letiyu Zh.V. Andreevoy [Forward to the Past: To the 70th Anniversary of J.V. Andreeva]*. Vladivostok, 195–210.
- Ivanov, S.V. 1954: Materialy po izobrazitelnomu iskusstvu narodov Sibiri XIX – nachala XX v. [The Materials on Fine Arts of the Peoples of Siberia of the 19th – Beginning of the 20th Century]. *Trudy In-ta etnografii. Nov. ser. [The Works of the Institute of Ethnography Nov. Ser.]*. Vol. 22. Moscow–Leningrad.
- Larsen, H., Rainey, Fr. 1948: Ipiutak and the Arctic Whale hunting Culture. *Anthropological papers of the American Museum of Natural History* 42.

- Mason, A. 1930: Excavations of Eskimo Thule Culture Sites at Point Barrow. Alaska. In: *23th International Congress of Americanists*. New York, 383–394.
- Moulin, B., Csonka, Y. 2002: The Erosion Front at Ekven: a Stratigraphic and Geoarchaeological Approach. In: E.D. Dumond, R.L. Bland (eds.), *Archaeology in the Bering Strait Region. Research of two continents. University of Oregon Anthropological Papers* 59, 227–261.
- Okladnikov, A.P., Beregovaya, N.A. 1971: *Drevniye poseleniya Baranova mysa* [The ancient settlements of Cape Baranov]. Novosibirsk.
- Petroglify Pegtymelya* [Petroglyphs of Pegtymel]. 2007. Saint-Petersburg.
- Pitulko, V.V. 2002: Pegtymelskiye petroglify: datirovka i sobytiya [Petroglyphs of Pegtymel: Dating and Research]. In: *II Dikovskiy chteniya: materialy naucho-prakticheskoy konferencii, posveshchenoy 70-letiyu Dalstroya* [The IInd Dikov Readings: Materials of the Scientific Conference Dedicated to the 70-th Anniversary of Dalstroï]. Magadan, 408–415.
- Raushenbakh, V.M. 1969: *Novyye nakhodki na Chetyrekhstolbovom ostrove* [New Findings on the Island of Four Pillars]. Moscow.
- Ray, P.H. 1884: *Report of international Polar expedition to point Barrow, Alaska. In response to the resolution of the House of Representatives of December 11*. Washington.
- Rudenko, S.I. 1947: *Drevnyaya kultura Beringova morya i eskimoskaya problema* [The Ancient Culture of the Bering Sea and the Eskimo Problem]. Moscow.
- Slobodzyan, M.B. 2004: *Petroglify Pegtymelya (po rezultatam issledovaniy poslednikh let)* [Petroglyphs Pegtymel (by results of researches of the last years)]. In: *Kompleksnyye issledovaniya drevnikh i traditsionnykh obshchestv Evrazii* [A Comprehensive Study of Ancient and Traditional Societies of Eurasia]. Barnaul.
- Stanford, D. 1976: The Walakpa Site, Alaska: its place in the birnirk and Thule Cultures. *Smithsonian contribution to anthropology* 20. Washington.
- Stuiver, M., Braziunas, T.F. 1993: Modeling atmospheric 14C influences and 14C ages of marine samples to 10,000 BC. *Radiocarbon* 35 (1), 137–189.
- Zagorulko, A.V. 1999: *Planirovka eskimoskikh zhilishch zony Beringova proliva: etnoarkheologicheskiye aspekty* [Eskimo Dwellings Planning Area of the Bering Strait: Ethnoarchaeological Aspects]. In: *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* [The Integration of Archaeological and Ethnographic Research]. Moscow, 195–199.

ON THE SUBJECT OF STRUCTURAL FEATURES OF DWELLINGS OF
THE ANCIENT ESCIMO IN CONSIDERATION WITH ARCHAEOLOGICAL
MATERIALS, ETHNOGRAPHY AND ARTISTIC SOURCES

Kirill A. Dneprovsky*, Ekaterina G. Devlet**

* *State Museum of Oriental Art, Russia,*
dneprk@gmail.com

** *Institute of Archaeology RAS, Russia,*
eketek@yandex.ru

Abstract. Dwellings surface of the ancient Eskimos constructed with a frame made of whale bone and a drift wood are found in large variety on the coast of Chukotka, from Anadyrskiy Gulf to the mouth of the bride-price. From the ancient times they attracted the attention of travelers and researchers. The Chukotka archaeological expedition of the State Museum of Oriental Art lasted 1995 to 2015 and worked in the settlements Ekven and Paypelghak (North-East Chukotka). In the settlement Ekven researchers had the opportunity to fully understand the design

of the home N-18 with a frame made of whale bone and fin tip, turf walls and a light roof with platforms outside exterior walls. The N-18 dwelling refers to the birnirk – early punuk phase (chronology of archaeological cultures corrected for a «reservoir effect» in the Bering Sea: the Ancient Bering Sea – the 3rd/4th – 8th/9th centuries; Birnirk – 9th – 11th centuries; Punuk – 11th–13th centuries).

The Paypelghak settlement is the first residential and a well-stratified site in Chukotka. It occupies the top, the youngest stratigraphic level on the settlement housing of the birnirk phase and consists of two overlapping volumes connected by a pathway. The corridor exit was arranged in the larger room.

This dwelling blocked three residential structures (premises 4–6) related to the Old Bering Sea culture (the period of OBS-II and within the first half of the 1st Millennium) – it was a dwelling during seasonal hunting and similar of design: small area of about 6 sq m, with stone basements under the walls, vertical supports frame walls and high stone floors. One of the houses (No. 6) – consisted of two rooms.

Ancient Escimo dwellings served as a typological basis for the designs of traditional *yarangas* settlement of Naukan, which existed until the mid – 20th century. Light roof of the yarangas of Nayana made from wooden poles and walrus skin has allowed to confidently recreate a similar constructed of dwellings of the Old Bering Sea, Birnirk and early Punuk phase. The roof shape is the most characteristic feature of an ancient Escimo dwelling.

The article presents two Rock art panels from Pegtymel with images of stationary ground-based dwellings identified by the expedition IA RAS. These images allow the reconstruction of the light roof supported by wooden poles and made from animal skins. This conclusion is made on the basis of comparison with the archaeological data in dwellings of the lower layer of the Paypelghak village.

Considering the general brevity of the images primary with the materials from dwellings on household items of the ethnographic time and the petroglyphs Pegtymel the pictorial sources are extremely accurate – often in images of dwellings and sea mammal hunters the shape of the roof is prominently given.

All completely investigated dwellings of the ancient Eskimo in Chukotka were built on the surface. Built upon the slopes and even more often underneath the slopes, these buildings were intensively destroyed and were washed away with soil material from the top of the hill. Even V.G. Bogoraz considered the *nynly dwellings* to be underground or semi-underground structures.

On smaller elements of buildings – corridor exits – could be constructed with a hard sod roof with horizontal joists made of bone and wood. The large overlap of the volume of such a roof would require a large number of vertical supports, not only along the walls, but inside as well. The construction of dwellings buried in the ground in the permafrost was not advisable and usually not performed.

Key words: Chukotka, Ancient Eskimo, Ancient and traditional settlements, construction of the dwellings, imagery, petroglyphs

---
